

Иллюстрированный Журнал

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XIV годъ

№ 37

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) И

ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работы (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ
для напечатанія въ
„Нивѣ“ принимаютсѧ по 60 коп. (1
Mark. 70 Pfep. для
загран.) за строку
номпарейль (въ $\frac{1}{4}$
ширины страницы).

КОНТОРА
журнала открыта
ежедневно (кромѣ
воскресн. и праздн.
дней) отъ 10 ч. утра
до 6 ч. вечера

Продолжается подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ
Петербургъ 4 р.

Съ доставкою въ
Петербургъ 5 р. 50 к.

Безъ доставки въ Москву черезъ от-
дѣл. конторы „Нивы“ Н. Н. Печков-
ской, Петровская Торгов. линія. 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другіе
города Россіи 6 р.

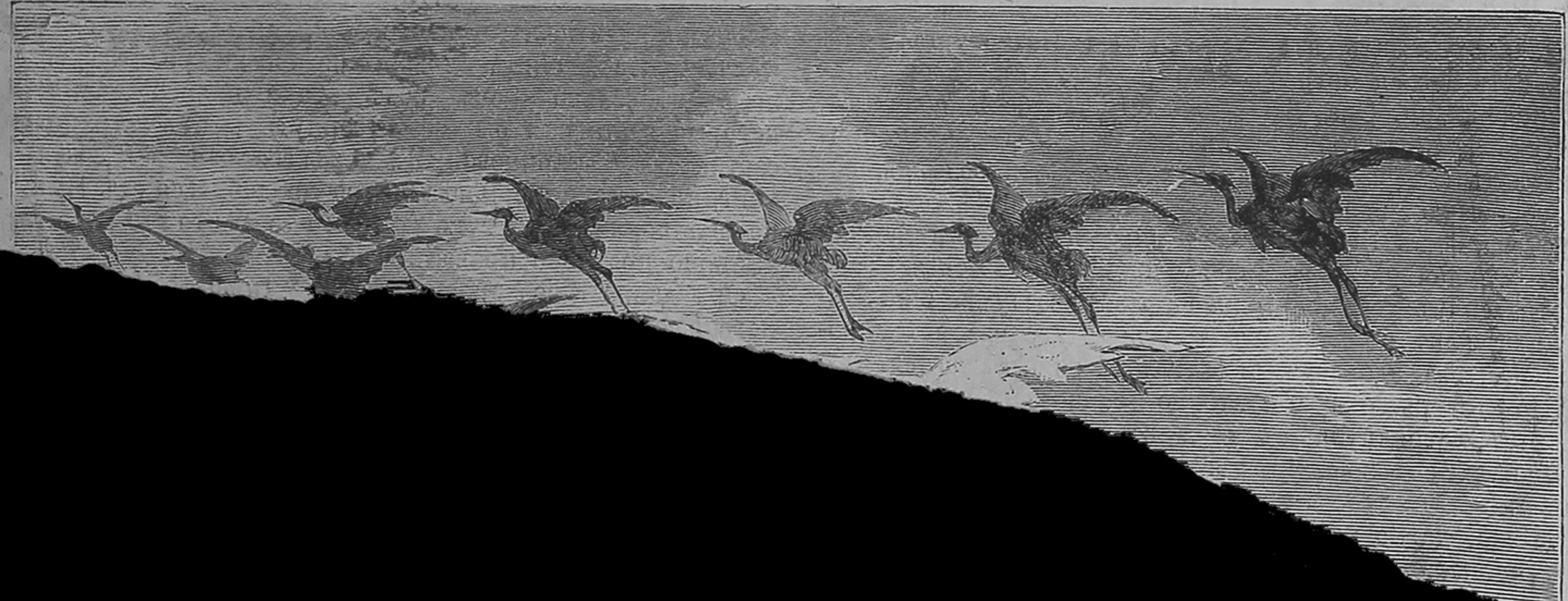
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и др. госуд. 8 р.

На полгода безъ доставки 2 р., съ доставкою 3 р., съ перес. иногороднмъ 3 р.

Каждый новый подпisch. получаетъ вѣже вышедшіе въ 1883 г. №№ со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМѢЩАЕТСѧ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ Д. № 9.

ПРИЛОЖЕНИЯ.
Особая приложенія при „НИВѢ“
объявленій отъ
торговыхъ домовъ
принимаются для
ионг. по 5 р. съ
тысячи, для город-
скихъ по 4 р.
РУКОПИСИ.
Мелкія рукописи и
стихи неудобныя къ
печати авторамъ
не возвращаются.

На зимнюю квартиры.

Короче стали дни,—длинные и сумрачные холодные ночи. Пожелтели леса, золотом и пурпуром нарядила их осень—и новую, унылую песню затянула ветер, свободные гудяя въ поребревшихъ чащахъ.

Печальнымъ ковромъ раскинулись сжатыя поля, рядами чернѣютъ на нихъ запоздалыя кони, бурыми лентами тянутся „парни“ полосы... дымкою-туманомъ затянулись золотныя понизы.

Закурились крестьянскіе овины, защекалъ безъ устали цѣнитъ молотильный на гѣмнахъ, засвѣтились огни въ окошкахъ, хлѣбомъ новопеченымъ запахло... Гулко, радостно зазвонили колокола церковные „Покрова“-праздничка.

А въ небѣ такъ ясно, холодно.. Ярко, во всю мочь свѣтить осеннее солнчино, да ужъ не тѣмъ тепломъ отъ него вѣтъ,—подъ силу разве одолѣть тому теплу... легкіе „перваки“—морозы-утренники...

Вотъ въ эту-то пору—безъ конца, и днемъ и ночью, „съ полуночи на полдень“ разрѣзая воздухъ прозрачный, тянутся одна за другою перелетныя птички стаи.

Вонъ... чуть слышно... словно за дальними лѣсами, за высокими горами,—трубы затрубили мѣдныя. То летять на зимнюю квартиры долгоногіе, долгоносые болотные сторожа—журавли... треугольникомъ... Мѣроно въ тактъ машутъ могучія крылья, на отмашь откинуты взадъ длинныя ноги, крѣпкие носы копытами боевыми впередъ вытянуты. По часамъ, какъ по командѣ, передовики мѣняются. И летять они такъ не десятки, не сотни, летять тысячи верстъ, летять одною и тою же дорогою не-

видимою, что и отцы ихъ и дѣды летали... тѣмъ же путемъ, что миллионы лѣтъ летали ихъ первобытные предки... Летять въ одномъ клинѣ и старыхъ, бывалыхъ птицы, и молодежь послѣдняго вывода, и чудно этимъ новичкамъ, какъ далеко внизу подъ ними—мѣняясь и хороши—картины чудной, невидимой природы развертываются...

Помнили они унылія равнини своей сѣверной родины, помнили они эти бурыя кочки—шумящій тростникъ и осоку... серебристыя группы березъ, да синій лѣсъ на дальнемъ сѣверѣ, а теперь, что ни взмахъ крыльевъ, что ни день перелету, такъ и бываютъ въ глаза—дива дивныя...

Вонъ города засверкали многоглавые, людные... вонъ серебромъ полились рѣки судоходныя... вонъ горы синія, снѣгомъ покрытыя, а по низамъ горъ этихъ блѣдныя мечети изъ густой листвы садовъ выглядываютъ... а вонъ и синее море—съ кораблями, чайками, съ дымящими пароходами, съ зелеными островами и бурливыми прибоями разстилается... И за этимъ моремъ опять земля, опять горы, опять новые города, новые люди, новые звѣри и опять море—больше первого... а тамъ—пески сыпучіе, пальмы высокія—колossalныя дивныя сооруженія древняго міра и снова зелень чудныхъ тропическихъ лѣсовъ, снова долины, а за долинами горы, вѣчными лѣдами по верхамъ одѣтыя... Тамъ, средь этихъ горъ или въ роскошныхъ долинахъ верхняго Нила,—ихъ желанный край, конецъ ихъ дальняго пути, приволье и покой на многие мѣсяцы до новаго пути, до новаго, обратнаго, весеннаго перелета.

СТАРЫЙ ДОМЪ.

(Хроника четырехъ поколѣній).

Всеволода Соловьевы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VIII.

Въ тихой обители.

Августъ приближался къ концу. Княгиня Маратова собралась уѣзжать изъ деревни въ Петербургъ. Она уже чувствовала потребность вернуться къ своей привычной жизни. Она уже давно скучала безъ общества, то есть безъ постоянной смѣны лицъ, любовь и привычка къ которой составляла у нея почти болѣе, непреоборимую потребность.

Уѣзжая изъ Петербурга въ деревню она чувствовала себя утомленной и въ первое время была такъ рада очутиться въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ. Она замѣчала, какъ съ каждымъ днемъ въ нее вливается новый притокъ здоровья, какъ голова ея освѣжается.

Но теперь она достаточно запаслась силами, отдохнула, стряхнула съ себя все горести и начала сильно томиться ожиданиемъ конца жизни.

„Пора, давно пора, пора въ Петербургъ, для Нины“. Ее слова звучали въ ее ушахъ, какъ

ослабѣеть, она увидитъ въ немъ какоенибудь указание свыше—и опять занесется.

Она рѣшила, что самое лучшее, въ виду неисправимости Нины и слишкомъ укоренившагося въ ней мистически религіознаго настроенія, подвергнуть ее новымъ впечатлѣніямъ, тоже мистически религіознымъ, но въ нѣсколько иномъ родѣ,—такимъ впечатлѣніямъ, которыя заставили бы ее отвернуться отъ страннаго сектантства Татариновой. Въ чемъ состояла эта секта—княгиня такъ и не могла подробно добиться отъ Нины, но она поняла, что тутъ есть что-то, и что это „что-то“ навѣрно противно православію.

Она давно освободилась отъ смущавшаго ее въ эти дни

женщиной, почти святою. Да и на архимандрита Фотия, хоть и видела его всего разъ мелькомъ, глядѣла какъ на подвижника, благодаря некоторымъ сердечнымъ бесѣдамъ съ графиней.

„Фотий—глубоко вѣрующей и истинной христианинъ; графиня Анна—тоже, думала она,—оба они обладаютъ удивительнымъ краснорѣчиемъ... Чего я не могу сдѣлать съ Ниной, то легко могутъ, пожалуй, сдѣлать они... Если захотятъ—легко докажутъ Нинѣ ея заблужденія, отвлекутъ ее отъ еретическихъ мыслей...“

Она написала графинѣ Орловой письмо, въ которомъ кое-что сообщала относительно Нины и постаралась заинтересовать ею.

Графиня отвѣтала, что съ удовольствіемъ приметъ ихъ у себя на нѣсколько дней и всегда рада помочь дѣлу спасенія души человѣческой.

Нина очень удивилась, когда княгиня сказала ей, что онъ отправится не прямо въ Петербургъ, а заѣдуть сначала въ Юрьевскій монастырь; но нашла, что это очень хорошо.

— Говорятъ, монастырь теперь узнать нельзя, сказала княгиня;—я помню, бывала тамъ не разъ, это былъ совсѣмъ бѣдный, заброшенный монастырь, а теперь, благодаря щедрости графини Орловой и радѣнію архимандрита Фотия, онъ сталъ такъ красивъ, богатъ... Туда приходятъ со всѣхъ сторонъ богомольцы, тамъ устроены приютъ и богадѣльня для больныхъ и бѣдныхъ. Графиня ничего не жалѣтъ... сколькоихъ людей она избавляетъ отъ нищеты, спасаетъ отъ смерти!... Знаешь ли что, Нина... можетъ и ты слышала... про нее говорятъ много дурного... ты ее знаешь и сейчасъ же поймешь, что только злоба, зависть и клевета могутъ чернить такую женщину. Я помню еще дѣвочкой это удивительное созданіе; она мнѣ всегда казалась ангеломъ. Ты знаешь—вѣдь у отца ея не мало грѣховъ на душѣ было, и она это знала. Она любила его, она была его единственнымъ ребенкомъ, онъ умеръ оставивъ ее молодой дѣвушкой съ громаднымъ состояніемъ. Въ женихахъ конечно не было недостатка—да и въ какихъ! Императрица Марія Федоровна, я знаю это павѣрно, хотѣла устроить ея бракъ съ кѣмъ нибудь изъ своихъ родственниковъ—иностранныхъ принцевъ. Она могла бы быть принцессой—и никого бы это не удивило. Но она еще въ самые молодые годы, еще почти ребенкомъ рѣшила не выходить замужъ и отдать всю свою жизнь бѣднымъ, несчастнымъ и молитвѣ о грѣхахъ отца. И она исполнила свое рѣшеніе... Да, это удивительная женщина...

Нина слушала съ возраставшимъ вниманіемъ и была подъ конецъ такъ заинтересована, такъ восхищена графиней Орловой-Чесменской, что съ большимъ волненіемъ и сердечнымъ трепетомъ подѣзжала къ Юрьевскому монастырю.

Графиня Анна Алексѣевна уже нѣсколько лѣтъ какъ купила для себя близъ монастыря небольшую усадьбу и большую часть года теперь жила здѣсь, отказавшись отъ пышности и блеска, довольствуясь самой скромной обстановкой, имѣя необходимость только въ одномъ—въ постоянномъ общеніи со своимъ духовникомъ и наставникомъ, отцемъ Фотиемъ...

Вечерѣло. Весь день былъ хотя свѣжий, но ясный. Солнце только что зашло, когда громадный дормѣзъ княгини повернулся по пыльной дорогѣ изъ за лѣса, и Нина, выглянувшая въ каретное оконце, увидѣла блестящія главы живописно расположенной обители, по верхамъ которыхъ еще скользили послѣдніе лучи солнца.

Усадьба графини состояла изъ небольшого, двухъ-этажнаго дома незатѣйливой архитектуры, расположеннаго среди густого сада. Никакихъ слѣдовъ привычной въ богатыхъ барскихъ усадьбахъ роскоши здѣсь незамѣчалось.

По довольно узкой, обставленной деревьями дорогѣ

дормѣзъ подѣхалъ къ воротамъ. Княгиня и Нина вышли изъ экипажа въ сопровождѣніи своего лакея. Они прошли черезъ небольшой, чисто выметенный дворъ. Съ подѣзда къ нимъ на встрѣчу шла какая то блѣдная женщина почти въ монашеской одеждѣ и, узнавъ кто онъ такія, пригласила ихъ въ домъ, говоря, что графиня еще со вчерашняго дня ихъ ожидаетъ.

— Только ихъ теперь иѣту, вамъ обождать придется, ко всенощной отправились,—прибавила она.

Пріѣзжія вошли въ домъ. Тутъ все было очень просто, и хотя комнаты и больнича и свѣтлыя, съ блестящими паркетными полами, но каждая изъ нихъ казалась такой неуютной, холодной. Мебели немного, никакихъ драпировокъ и портьеръ на тяжеловѣсныхъ дубовыхъ дверяхъ и широкихъ окнахъ. Полное отсутствіе ковровъ, картинъ и предметовъ роскоши.

— Вотъ какъ она живеть! шепнула княгиня Нинѣ.— Но это мнѣ кажется даже слишкомъ, такая унылая обстановка, такая пустота въ комнатахъ...

— Нѣть, я очень понимаю это! отвѣтила Нина,— такъ и слѣдуетъ, такъ и должно быть... Здѣсь мнѣ очень, очень нравится...

Тихая, молчаливая женщина провела ихъ теперь въ предназначенные имъ комнаты. Это были двѣ небольшія комнаты нижняго этажа, выходившія окнами въ садъ и имѣвшія видъ келій.

Въ каждой комнатѣ была поставлена кровать, большой комодъ, жесткій диванъ, передъ диваномъ овальный тяжелый столъ, нѣсколько креселъ и стульевъ. Въ углу образа съ зажженой лампадой—и больше ничего.

Княгинѣ очень это не понравилось. Она съ дѣствія привыкла къ совсѣмъ иной обстановкѣ. Она любила, чтобы кругомъ ея все было уютно, красиво. Любила погружаться въ широкихъ мягкихъ креслахъ. Любила спать на мягкихъ перинахъ. Тутъ же, взглянувъ на кресло съ кожанымъ сидѣніемъ и узенькими деревянными ручками, она подумала, что со своей толщицей даже пожалуй и не усядется въ такое кресло. Взглянула на кровать—и почувствовала пѣкоторое уныніе. Кровать была узкая, матрацъ оказался довольно жесткимъ.

Но она не стала жаловаться Нинѣ, она боялась откровенно передавать ей теперь свои впечатленія.

Умывшись и переодѣвшись съ дороги, опѣ прошли наверхъ и стали дожидаться хозяйку.

Имѣ обѣимъ, а въ особенности княгинѣ, очень хотѣлось есть. Но обѣ ихъ угощенія съ дороги, новидимому, никто не думалъ.

Наконецъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло и въ комнатахъ зажгли свѣчи, появилась графиня отъ всенощной.

Нина видѣла ее въ первый разъ. Это была женщина далеко еще не старая, лѣтъ подъ сорокъ, очень пріятной наружности, хотя и не особенно красивая. На ея спокойномъ лицѣ видны были и доброта и благородство.

Но не смотря на это, Нина все же совсѣмъ изумилась. Она представляла себѣ графиню Орлову совсѣмъ другой. Она думала, что встрѣтится съ какимъ нибудь особыеннымъ существомъ, въ которомъ мало даже земного. А между тѣмъ передъ нею стояла совсѣмъ обыкновенная женщина.

Она очень радушно поздоровалась съ княгиней, благодарила ее за пріѣздъ и затѣмъ любезно улыбаясь сжала руку Нины.

Затѣмъ она усадила гостей на жесткую мебель комнаты, гдѣ ихъ встрѣтила, и велѣла давать чай.

Подали чай. Княгиня даже невольно покраснѣла. Она любила покушать и чувствовала, что голодъ ея усиливается съ каждой минутой.

А это что же такое?!—подали всего три чашки и двѣ просфоры, даже сливокъ не было къ чаю. Княгиня вспомнила, что день постный. Но хозяйка очевидно была очень далека отъ заботъ о хлѣбѣ насыщномъ. Сама она

выпила свою чашку маленькими глотками, не прикоснувшись къ просфорѣ, не спросила гостей не хотятъ ли онъ чего нибудь и тотчасъ же начала рассказывать о всѣхъ усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ въ монастырѣ.

Она оживилась, вдавалась въ подробности.

Княгиня дѣлала видъ, что слушаетъ внимательно, что интересуется; но въ тоже время скучала ужасно, едва удерживалась отъ зѣвоты, а главное,—сердила.

Она чувствовала себя утомленной съ дороги, да и часъ былъ уже довольно поздній, скоро пора будетъ спать и ей придется лечь на тощій желудокъ. Это ее рѣшительно раздражало.

„Нѣтъ, это ни на что не похоже!“ думала она. — Можно быть святой, можно презирать земную суету; но зачѣмъ же людей морить голодомъ!..“

Нина была очень далека отъ подобныхъ мыслей. Выпивъ чашку чаю и съѣвъ кусокъ мягкой и очень вкусной просфоры, она уже насытилась и съ болѣшимъ удовольствиемъ слушала графиню. Ей нравилось какъ та говорила—такъ спокойно, не спѣша.

Все лицо ея оживилось, когда она стала высчитывать сколько бѣдныхъ ежедневно приходитъ кормиться въ обитель.

Потомъ, обращаясь къ Нинѣ, она стала рассказывать о томъ, съ какими людьми ей приходится здѣсь встречаться, какъ многому можно научиться отъ этихъ простыхъ, темныхъ людей, какая въ простомъ русскомъ человѣкѣ живетъ глубокая, истинная вѣра въ Бога...“

Нина просто не замѣтала какъ идетъ время въ этихъ интересныхъ разсказахъ. Пробило десять часовъ и графиня сказала:

— Мы рано ложимся, чтобы поспѣть къ заутреніи, да и вы, я полагаю, устали съ дороги.

— Да, Нина, это правда, посмотрѣ—какая ты блѣдная, ступай, мой другъ, и я приду сейчасъ.

Нина простила. А княгиня обратилась къ хозяйкѣ.

— Милая графиня, что вы мнѣ скажете? какъ вамъ показалась моя дѣвочка?

— Она мнѣ понравилась!

Тогда княгиня подробно рассказала то, о чёмъ не могла написать въ письмѣ и попросила у Анны Алексѣевны совета.

Та подумала.

— Вы очень хорошо сдѣлали, что привезли ее сюда, ее нужно утвердить въ православной вѣрѣ и убѣдить ее въ томъ, какая вѣчная погибель для души—отступление отъ истинной вѣры. Но я для этого слаба... Гдѣ же мнѣ браться за такое дѣло!.. Я поговорю съ отцомъ архимандритомъ и думаю что снѣ возьмется. Вы пробудете здѣсь нѣсколько дней. Пусть онъ побесѣдуетъ съ нею. О, конечно, онъ ее наставитъ... онъ ей поможетъ!..

— Только одно, дорогая моя, перебила ее княгиня.—Вы ужъ не говорите ей о томъ, что ей не слѣдуетъ выходить замужъ, напротивъ—докажите ей, что можно и въ замужествѣ вести жизнь истинно христіансскую и дѣлать добро.

Графиня изумленно на нее взглянула.

— Зачѣмъ же это? сказала она.—Я всю жизнь была того мнѣнія, что не слѣдуетъ выходить замужъ.

— Ахъ, Боже мой, вы совсѣмъ другое дѣло! Я уверена, твердо увѣрена, что ея спасеніе именно въ выходѣ замужъ за человѣка, котораго она любитъ. А лучше совсѣмъ не говорите съ нею, если не можете обѣщать мнѣ, что не станете отдалить ее отъ мысли о замужествѣ...

Княгинѣ долго пришлось убѣждать „Христову невѣсту“ и доказывать почему именно Нина должна выйти за Горбатова.

Наконецъ онъ столковались; графиня дала обѣщаніе не только за себя, но и за Фотія. Тогда княгиня, успокоившись и простившись съ хозяйствой, сошла въ свою келью.

Она была очень пріятно удивлена увидя у себя на столѣ хотя и постный, но очень вкусно приготовленный ужинъ. Восшедшая вслѣдъ за нею блѣдная женщина въ монашескомъ платьѣ сказала ей:

— Графинюшка наша строгій постъ соблюдаетъ, а вы, сударыня, чай съ дороги то проголодались—такъ я и распорядилась... Покушайте... вотъ и барышня тоже... какъ это можно такъ, съ дороги то!..

— Спасибо, матушка, большое вамъ спасибо! довольнымъ тономъ отозвалась княгиня.

Она съ удовольствіемъ присѣла къ столу, позвала Нину. Но оказалось, что Нина уже раздѣлась и ужинать не хочетъ.

IX.

Фотій.

Не смотря на то, что кровать была узка и матрацъ не отличался особенной мягкостью, княгиня заснула скоро и въ то время какъ благовѣстили къ заутреніи она снѣла самымъ крѣпкимъ и здоровымъ сномъ. Спала и Нина.

Ставни были закрыты, тишина въ домѣ стояла полная. И обѣ онѣ, наконецъ проснувшись и пакоро одѣвшись, едва-едва поспѣли къ обѣднѣ.

Нина была въ спокойномъ и бодромъ настроеніи. Войдя въ монастырь, она поразилась огромнымъ стечениемъ народа. Весь путь отъ воротъ до самой церкви, въ которой уже началась служба, имъ пришлось сдѣлать среди густой толпы богомольцевъ, нищихъ, калѣкъ.

На самыхъ видныхъ мѣстахъ стояли и сидѣли музыци, женщины и дѣти ужаснаго и отвратительного вида, олицетворенія всевозможныхъ человѣческихъ недуговъ. Кто былъ покрытъ весь ранами, кто выставлялъ на показъ красный, безформенный обрубокъ ноги; кто совалъ впередъ что то невозможное, обернутое въ грязное тряпье — руку, доходившую только до локтя и заѣмъ оканчивавшуюся какимъ то наростомъ.

И всѣ эти несчастные калѣки, на всѣ лады жалобнымъ голосомъ произносившіе свое „Христа-ради“, протягивали къ проходившимъ маленькия деревянныя чашечки, назначенные для сбора милостыни.

Княгиня и Нина раздали уже всю мелочь, какая была съ ними, а чашечки все протягивались и все жалобнѣ, и все ужаснѣе слышалось „Христа-ради“.

Въ перемежку съ нищими расположились богомольцы, которые уже отстояли раннія службы и теперь отдыхали здѣсь, тѣмъ болѣе, что въ церкви не было мѣста. Нѣкоторые очевидно пришли издалека, изъ южныхъ и юго-восточныхъ губерній, на что указывалъ покрой ихъ одежды и черты загорѣлыхъ лицъ.

Не смотря на впечатлѣніе нищеты, бѣдности и немощи человѣческой—какое то благовѣйное чувство сходило на Нину и возрастало въ ней.

Наконецъ, поднявшись на церковную паперть, запруженную народомъ, онѣ добрались до дверей.

Княгиня обратилась къ Нинѣ и почти испуганнымъ голосомъ сказала:

— Какъ же мы проберемся впередъ—вѣдь задавятъ!..

Крѣпкій запахъ всѣхъ этихъ сермягъ сразу показался имъ просто невыносимымъ. Но сдерживая дыханіе онѣ стали пробираться впередъ.

Огромная, толстая княгиня, видя что иначе невозможно, стала работать руками. Мужики и бабы старались почтительно сторониться и давать ей дорогу; но это оказалось очень трудно—такое множество людей набралось въ небольшой церкви.

Однако все же, несмотря на всѣ затрудненія, княгиня, красная, съ лоснящимся лицомъ, пробралась впередъ къ правому клиросу.

— Намъ бы туда, къ графинѣ... вонъ ея мѣсто... тамъ просторнѣе! шепнула она Нинѣ.

— Нѣтъ, лучше останемся здѣсь, ма tante, отвѣтила Нина,—вѣдь не пройдемъ, а здѣсь хорошо.

Княгиня кивнула головою, быстрымъ взглядомъ окинула новый иконостасъ, покрытый прекрасной живописью, богатыми ризами, сияющей огнями, и начала креститься. Потомъ она осмотрѣлась. Весь клиросъ, у которого онъ стояли, былъ занятъ монахами, да и за ними тоже размѣстилось нѣсколько монаховъ. А дальше шла сплошная масса народу,—негдѣ было упасть и яблоку.

Несмотря на дуновеніе, временами проносившееся отъ открытыхъ оконъ, духота была страшная, мѣшалась съ запахомъ ладана и народа и туманила голову.

Служба шла медленно и торжественно. Хоръ монаховъ былъ хорошо составленъ.

— Что же это, никакъ не архимандритъ служитъ? шепнула княгиня.

Но Нина ее не слушала, она усердно молилась.

Когда боковая дверь въ алтарь, передъ которой онъ стояли, отворялась — княгиня съ невольнымъ любопытствомъ туда заглядывала, желая увидать Фотія; но его не было видно.

Не имѣя возможности удовлетворить свое любопытство, она принялась тоже молиться, но скоро почувствовала, что въ ней на этотъ разъ совсѣмъ нѣтъ молитвенного настроенія. Тѣснота и духота на нее слишкомъ действовали при ея тучности. Вся кровь бросилась ей въ лицо. Она почувствовала слабость въ ногахъ, безнадежно обернулась и убѣдила, что выйти изъ церкви теперь не представлялось никакой возможности. Ей казалось, что время тянется особенно медленно, что конца не будетъ этой обѣдинѣ.

Служба шла своимъ чередомъ. И вотъ хоръ запѣлъ „Отче нашъ“. Мгновенно по церкви пронесся какъ бы нѣкоторый гуль, всѣ, кто могъ, опустились на колѣни. И неожиданно для княгини монахи, вплотную стоявшіе за нею, то же упали на колѣни и поклонились до земли ударивъ ее по ногамъ своими клубками.

Это было такъ неожиданно, она чувствовала такую слабость въ ногахъ, что не удержалась, у нея подкосились ноги — и она такъ и сѣла. Сѣла на головы несчастныхъ монаховъ.

Нина, сосредоточенно молившаяся, не сразу даже замѣтила это. Но вотъ княгиня барабанится, хочетъ встать и никакъ не можетъ. Несчастные монахи, стиснутые со всѣхъ сторонъ, почти задыхающіеся подъ павалившейся на нихъ тяжестью — тоже барабанятся.

Нина изо всѣхъ силъ поднимаетъ тетку, но силы у нея маленькия. У княгини кружится голова, она почти теряетъ сознаніе.

Наконецъ кое какъ, съ помощью подоспѣвшаго монаха, ее удалось поднять и освободить несчастныхъ, которые встали съ раздавленными клубками. Княгиня стояла смущенная, взъволнованная и разсерженная. У Нины тоже прошло все молитвенное настроеніе. Она заботливо поглядывала на княгиню; но въ тоже время вся эта трагикомическая сцена вызывала въ ней непреодолимое желаніе смеяться. Она не удержалась отъ улыбки.

— Пойдемъ, ради Бога! шепнула княгиня,—я не могу, я задохнусь, со мной ударъ будетъ.

— Да какъ же мы пройдемъ?

Нина умоляюще взглянула на стоявшаго рядомъ съ нею монаха. Онъ понялъ серьезность положенія и вызвался проводить ихъ. По счастью, недалеко отъ клироса была маленькая дверца; черезъ эту дверцу онъ и вышли.

Княгиня тяжело оперлась на руку Нины и всею грудью вдыхала въ себѣ свѣжий воздухъ, обмахиваясь надущеннымъ платкомъ. Онъ очутился среди палисадника, разбитаго у церкви, и замѣтилъ скамью подъ большой, уже совсѣмъ пожелтѣвшей линой. Княгиня едва дошла до скамьи и тяжело опустилась на нее, такъ что скамья затрещала.

Наконецъ княгиня пришла въ себя и вдругъ, взглянувъ на Нину, сдѣлала самое смѣшное лицо и разсмѣялась своимъ густымъ, добродушнымъ смѣхомъ.

— Фу! проговорила она,—вѣдь это со мной только и можетъ случиться! Монахи-то... бѣдные монахи!.. Я не могла взглянуть на нихъ — ты не замѣтила, Нина, вѣдь я должно быть носы расплюснула имъ по меньшей мѣрѣ...

Нина тоже забыла совсѣмъ о грѣхѣ и смѣялась отъ всей души:

— Нѣтъ, ма tante... ничего... носы дѣлы... только клубки... какъ блины стали...

— Нѣтъ, матушка, ты подумай только — каково имъ было... ты подумай, погребены подъ развалинами!..

— Прости Господи, грѣхъ какой!.. вдругъ докончила она перемѣня тонъ.—И къ мошамъ пе приложили, и отца архимандрита пе видѣли. А ужъ теперь куда посидимъ здѣсь, подождемъ графиню...

Ждать имъ пришлось не долго. Народъ скоро сталъ выходить изъ церкви. Затѣмъ вышла и графиня, съ блѣднымъ, спокойнымъ лицомъ, полуопущенными глазами. У нея въ рукахъ былъ мѣшечекъ, наполненный деньгами, которыя она стала раздавать окружавшимъ ее и пробирающимся къ ней нищимъ.

Увидя княгиню и Нину она подошла къ нимъ.

— Ахъ, матушка, сказала княгиня,—вотъ я обѣднюю достоять не могла — дурно мнѣ сдѣлалось, совсѣмъ дурно... на монаховъ сѣла... чуть не раздавила.

Но какъ ни комично произнесла она эти слова — графиня не только не улыбнулась, но ея лицо сдѣлалось еще спокойнѣе и серьезнѣе.

— Пойдемте къ отцу архимандриту, сказала она, онъ теперь можетъ настѣнѣ принять.

— Ахъ, какъ я рада, вотъ это прекраснѣ!

И княгиня тяжело поднялась со скамейки.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ входилъ въ помѣщеніе Фотія. Служка отперъ передъ ними двери и онъ очутился въ небольшой комнатѣ, все убранство которой состояло изъ дивана, стола и нѣсколькоихъ стульевъ.

На диванѣ сидѣлъ небольшого роста сухой человѣкъ, съ молодымъ еще, но болѣзnenнымъ, желтымъ, будто восковымъ лицомъ, съ рѣдкой бородкой. На самыя брови была надвинута скуфья, и глубоко вдавшіе, съ красноватыми вѣками неопределенного цвета глаза глядѣли твердымъ, строгимъ взглядомъ.

Онъ немного приподнялся при появлѣніи гостей, но сейчасъ же и опять сѣлъ.

Графиня назвала своихъ спутницъ. Она приподняла руку. Онъ подошли подъ благословеніе.

Когда Нина цѣловала эту небольшую, сухую, съ желтоватой смѣренной кожей руку, — она почувствовала непріятный запахъ, исходящій отъ этого человѣка. Потомъ, въ продолженіи свиданія она убѣдила, что ей это не показалось. Запахъ объяснялся глубокой раной на груди Фотія, которой онъ страдалъ много лѣтъ.

Послѣ минуты довольно неловкаго молчанія, архимандритъ обратился къ княгинѣ.

— Она говорила мнѣ, началь онъ указывая на графиню, — что вы возымѣли благое желаніе посѣтить сюю обитель. Радуюсь за васъ...

Княгиня сдѣлала постное лицо и съ благоговѣніемъ отвѣчала:

— Давно уже желала я этого, отче, а главное — хотѣлось мнѣ, чтобы племянница моя удостоилась вашего благословенія и послушала вашихъ святыхъ поученій, которыя могутъ ей принести много пользы, открыть путь къ истинному спасенію души.

Фотій поднялъ на Нину строгій взглядъ, равнодушно оглядѣлъ ее и сказалъ тихимъ, неособенно пріятнымъ, нѣсколько шипящимъ голосомъ:

— Я самъ не достигъ спасенія души, какъ же могу учить другихъ достигнуть этого? А путь одинъ, пусть

читаетъ Святое Писаніе, Житія Святыхъ, соблюдаетъ Заповѣди Господни и молится.

— Но безъ должнаго руководства, отче, замѣтила графиня,—неопытный умъ можетъ вдаться въ ложныя толкованія Священнаго Писанія.

Фотій посмотрѣлъ на Нину еще строже.

— Какъ же это слабый человѣческій разумъ осмысливается въ слѣпотѣ своей толковать слова Господа?.. Что толковать? въ сихъ словахъ все ясно.

Нина рѣшилась и заговорила.

— Конечно, въ нихъ все ясно, сказала она,—но только для тѣхъ, чей разумъ окрѣпъ въ ученіи вѣры... мнѣ кажется, отче, что если человѣкъ не смѣеть самъ толковать того, чего ясно не понимаетъ, то онъ можетъ и долженъ просить толкованія у другихъ, у людей понимающихъ истинный смыслъ священныхъ словъ... Позвольте же мнѣ, отче, просить у васъ истолкованія того, что мнѣ неясно.

— Что же такое вамъ не ясно? говорите, рѣзко перебилъ Фотій.

— Я бы васъ просила, не безъ волненія сказала Нина,—растолковать мнѣ первые пять стиховъ главы четырнадцатой первого посланія къ Коринѳянамъ.

— Анна, пойди принеси мнѣ книгу, обратился Фотій къ графинѣ,—она вотъ тутъ, рядомъ, на столѣ.

Графиня быстро встала и прошла въ сосѣднюю комнату.

Нина очень изумилась этому „Анна“ и „ты“ и вообще довольно грубому тону, которымъ Фотій говорилъ съграфиней.

Между тѣмъ графиня вернулась, неся апостольскія посланія.

Фотій раскрылъ книгу, громко прочелъ пять стиховъ, указанныхъ Ниной, и поднялъ на нее свои пристальные, холодные глаза.

— Что же вамъ здѣсь непонятно? Что требуетъ истолкованія?

Нина просила его объяснить ей, что такое „пророчествованіе“ и „глаголаніе языки“, о которыхъ говорить апостолъ.

— Пророчествованіе и глаголаніе языки, сказалъ Фотій,—это благодать Святаго Духа, даръ, ниспосланный по милости Господа, ученикамъ Христовымъ.

— Я это хорошо понимаю, замѣтила Нина,—мнѣ хотѣлось бы знать—если въ первыя времена христианства были люди, которые получили отъ Господа этотъ даръ, то неужели и въ послѣдующія времена, и теперь не можетъ быть людей, которые бы удостоились такого дара? Есть теперь такие люди, или нетъ? Можно ли теперь пророчествовать и говорить на неизвѣстныхъ языкахъ?

— Чтобы достигнуть этого нужна великая святость, а гдѣ же въ наши дни святые люди? сказалъ Фотій.

Они нѣсколько минутъ бесѣдовали на эту тему.

Но Фотій, этотъ Фотій, пльнявшій своимъ краснорѣчіемъ императора Александра и доводившій его до слезъ, не могъ произвести никакого впечатлѣнія на Нину. Онъ видимо былъ утомленъ и страдалъ отъ своихъ недуговъ, говорилъ вяло и не рѣшилъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, решенія которыхъ жаждала Нина. Онъ оживился только тогда, когда графиня, очевидно умѣвшая его настраивать, подвела такъ разговоръ, что заставила его коснуться вопроса о видѣніяхъ, посылаемыхъ Богомъ.

— Вы можете быть слышали, княгиня, сказала она обращаясь къ Маратовой,—что отецъ Фотій удостоился видѣній.

— Не слыхала! Какія же видѣнія были у васъ, отче? Удостойте сообщить намъ, пожалуйста расскажите!

— Да, расскажите сами, чтобы онѣ слышали этотъ разсказъ изъ устъ вашихъ! просила графиня.

Фотій взглянулъ на княгиню и Нину съ нѣкоторымъ

недовѣріемъ. Но вдругъ глаза его блеснули, онъ заговорилъ:

— Да, я удостоился видѣній. Наша на меня сонъ... И сонъ этотъ былъ сладокъ зѣло и глубокъ. И узрѣлъ я: ночи тьма, а передъ лицомъ моимъ было ясно и прозрачно отъ земли и до небеси. Вдругъ поднялась буря и твердь небесная заколебалась, и стало смятение. На востокѣ появилась луна и засвѣтилась, но мгла затмила ее и луна поколебалась. И восхотѣлъ я знать, что значитъ сіе видѣніе, и услышалъ голосъ, глаголющій: „знаменіе!“—и скрылась луна. А далѣе было: близъ луны появился кругъ прозрачный, больший луны въ нѣсколько кратъ, и внутри того круга бысть аки бы часть созданія земнаго подобіемъ языка, по ней бысть другая часть и третья и вкупѣ сіи три языки, въ небесномъ томъ кругу, то вращались, то двигались; и страхъ и ужасъ отъ движения ихъ былъ на вся: пребывали же движася три части, не сдвигаясь съ мѣстъ своихъ и когда недоумѣвая азъ спросилъ: къ чему знаменія суть сія? бысть свыше гласъ, вопія: „къ брані!“...

Фотій остановился, переводя духъ.

Графиня слушала его съ благоговѣніемъ. На лицѣ княгини выражалось нѣкоторое недоумѣніе. И она искасала посматривала на Нину.

Нина сидѣла съ застывшимъ лицомъ и почти потухшими глазами. Ей было тяжело и неловко, она чувствовала даже какое-то раздраженіе.

Фотій произвелъ на нее впечатлѣніе, но вовсе не такое, какого она ожидала, впечатлѣніе очень неблагопріятное, даже отталкивающее.

Этотъ хилый и грубый человѣкъ, съ окружавшей его атмосферой болѣзни, казался ей просто противнымъ. Она не чувствовала его святости, не видѣла его ума и краснорѣчія, о которомъ такъ много говорилось въ петербургскомъ обществѣ. Она не вѣрила въ эти его видѣнія и не понимала ихъ смысла.

— Отче, повѣдайте и другія, бывшія вамъ видѣнія! просительнымъ голосомъ и робко заглядывая въ глаза Фотія проговорила графиня.

Но онъ сдѣлалъ даже видъ, будто не слыхалъ словъ ея и упорно молчалъ.

— Какой же совѣтъ вы преподадите намъ, отче? спросила княгиня,—чѣмъ напутствуете мою племянницу?

Фотій опустилъ глаза и заговорилъ ни на кого не глядя:

— Блюди себя, дѣвица, отъ соблазновъ, отъ нечистыхъ помысловъ, отъ угожденія плоти. Не украшайся нарядами, не измывай лица своего благовонными водами и не помазывай мастью. Подвизайся въ духѣ милосердія, пребывай въ молитвѣ... а пуще всего блюди свое дѣвство!..

Княгиня невыдержано взглянула на графиню. Но та не мигая смотрѣла на Фотія.

„Что же это! думала княгиня,—что же это?—комплиментъ!.. она меня обманула!“...

— Отче! сказала она, перебивая его,—какой же грѣхъ дѣвушкѣ выйти замужъ за благочестиваго христианина, если она намѣрена честно исполнять обязанности жены и матери?

Фотій поднялъ на нее глаза, а потомъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ снова опустилъ ихъ.

— Нѣсть спасенія въ міру, продолжалъ онъ,—ежели хочетъ спасти душу, пусть бѣжитъ отъ міра, пусть сохранитъ свое дѣвство нетлѣннымъ и обрящетъ жениха небеснаго...

Онъ даже поднялъ руку и погрозилъ по направленію Нины.

Княгиня встала вся багровая.

— Однако мы утруждаемъ отца архимандрита... Она подошла подъ его благословеніе.

димо, что то соображалъ. Вдругъ краска залила его щеки, глаза блеснули, онъ ударилъ кулакомъ по столу.

„Да нѣтъ же, этого быть не можетъ! прошепталъ онъ,—она до этого не дойдетъ... кокетка... глупа... но все же... Нѣтъ, вздоръ!..“

А между тѣмъ съ этого времени Катринъ не разъ замѣчала на себѣ его взглядъ, какой то новый взглядъ—пытливый, подозрительный, будто желающій что то отгадать въ ней.

Она даже нѣсколько смущалась подъ этимъ взглядомъ, хотя очень быстро ободряла себя и принимала видъ чистоты и невинности.

Она ждала,—вотъ-вотъ онъ что нибудь ее спросить, начнетъ какое нибудь объясненіе. Она приготовилась ко всякимъ вопросамъ, ко всякимъ объясненіямъ...

Но онъ ничего не спрашивалъ.

Едва пріѣхавъ въ Петербургъ, она навела справки относительно Щапскаго, но не у мужа. Она теперь совсѣмъ перестала съ нимъ говорить объ его пріятелѣ.

Она узнала, что Щапскій еще не возвращался. Тогда она принялась за визиты, за приемы гостей. Обѣздила всѣ магазины, посыпала заказы въ Парижъ къ зимнему сезону.

По утрамъ у нея происходили совѣщанія съ модистками.

Войдя въ эту обычную колею, она значительно успокоилась и иногда казалась даже очень веселой и беззаботной...

Тѣмъ временемъ Борисъ уже успѣлъ повидаться съ Ниной.

Войдя въ гостиную княгини и заставъ ихъ обѣихъ, онъ сразу долженъ былъ убѣдиться, что все обстоитъ благополучно.

— Вотъ смотрите, Борисъ Сергеевичъ, говорила княгиня крѣпко скимая его руку,—смотрите, кажется она поправилась!..

Да, она поправилась; въ ней не было уже прежней чрезмѣрной блѣдности, она немного пополнѣла. Прекрасные глаза ея уже не свѣтились лихорадочнымъ, беспокойнымъ блескомъ. Она улыбалась, она вся сіяла идя навстрѣчу Борису и все сказала ему этой улыбкой.

Онъ огляделся. Въ гостиной никого не было. Онъ взялъ руку Нины и, невыпуская ее, обратился къ княгинѣ:

— Я явился къ вамъ какъ врагъ за добычей! Я не отдамъ вамъ теперь ее! Я возьму ее хоть силой...

Княгиня улыбалась самой добродушной улыбкой. Ея быстрые черные глаза перебѣгали съ Бориса на Нину и обратно.

— Зачѣмъ же силой?!.. прерывающимся голосомъ прошептала Нина.

Борисъ цѣловалъ ея руки. Княгиня стояла улыбаясь и вдругъ ея черные усыки какъ-то передернулись. Она опустилась въ кресло и заплакала.

— Давно бы такъ, Нина, давно бы!.. Но, Борисъ Сергеевичъ, скажите мнѣ, приготовлены ли ваши родители? тревожно спросила она.

— Развѣ я могъ до этой минуты сообщить имъ что нибудь решительное? Отецъ еще незнаетъ, а матери извѣстно все, что до сихъ поръ и мнѣ было извѣстно.

— Что же она?

— Она уже любить Нину и ждетъ встрѣчи съ нею.

— Я была въ ней увѣрена, въ вашей матери... сказала княгиня. — Да, Нина, ты счастлива, ты найдешь прекрасную мать!..

— Значить у меня будетъ двѣ матери! сквозь радостные слѣзы проговорила Нина наклоняясь къ княгинѣ и цѣлуя ея руки.

— И вы увѣрены, мой милый Борисъ Сергеевичъ,

что и отецъ вашъ ничего не будетъ имѣть противъ нея?

— Конечно.

Княгиня вздохнула всей грудью, поднялась съ кресла и быстрымъ, тяжелымъ шагомъ вышла изъ гостиной.

Они остались одни. Они взялись за руки, блаженно взглянули другъ на друга и въ общемъ порывѣ обнялись крѣпко, горячо.

Въ тихой гостиной прозвучалъ поцѣлуй любви, и это былъ первый поцѣлуй ихъ послѣ той далекой, далекой ночи, когда несчастная маленькая сиротка куталась въ мужской плащъ и всячески старалась скрыть имъ свою дѣтскую нѣжную наготу, въ то же время довѣрчиво прижимаясь къ юношѣ, спасшему ее отъ смерти и позора.

И эта волшебная ночь припоминалась имъ теперь во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Имъ показалось, что они вернулись къ тому времени, что ихъ окружаетъ тишина пустой, покинутой хозяевами квартиры, что луна свѣтить въ оконшко, озаряетъ ихъ лица и наполняетъ имъ сердце новымъ, могучимъ, блаженнымъ чувствомъ.

Это чувство и теперь наполняло ихъ и они долго не могли оторваться другъ отъ друга. И много было новыхъ поцѣлуевъ, только поцѣлуи эти были беззвучны.

Наконецъ Нина тихонько отстранилась.

— Борисъ, сказала она, пойдемъ, пойдемъ ко мнѣ... вѣдь ты еще у меня не былъ!.. теперь можно...

Она взяла его за руку и повела въ свои комнаты.

Они вошли въ ея маленький будуаръ и блаженное ощущеніе, наполнявшее Бориса, еще усилилось. Какой милой, какой дорогой показалось ему эта комната, ея комната. Здѣсь все дышало ею, все было ею проникнуто, и каждая малѣйшая вещица представлялась ему какою-то особенной, такою, какой никогда и ни у кого нѣтъ и быть не можетъ...

— Постой, посмотри! говорила Нина съ новымъ, совсѣмъ разцвѣтшимъ лицомъ, какого онъ у нея не видѣлъ еще ни разу.—Посмотри!

Она выдвинула ящикъ комода, вынула оттуда что-то довольно большое, развернула какой-то узель — и онъ увидѣлъ у нея въ рукахъ свой плащъ, тотъ плащъ, который она оставила у себя залогомъ его возвращенія.

— Ты вернулся за нимъ, говорила она, — и на глазахъ ея свѣтились слезы.—Возьми его! видишь... я сохранила его много лѣтъ и часто, часто вынимала его, разглядывала, сдувала съ него пылинки... Нѣтъ на немъ мѣста гдѣ бы я его ни цѣловала... Ты за нимъ вернулся, милый!.. Какъ хорошо, какъ чудно! Вѣдь я знала это, что ты вернешься...

— Нина, но вѣдь я вернулся не сейчасъ, я вернулся уже давно... Зачѣмъ же были эти долгіе мѣсяцы?!

— Не упрекай! сказала она,—и не вспоминай... вѣрно такъ нужно было; но теперь, теперь уже не будетъ сомнѣній...

— Ты не станешь говорить мнѣ, что я твой братъ—и только?!

Она опустила глаза, но сейчасъ же и подняла ихъ на него со счастьемъ, любовью и мольбой.

— Теперь ты для меня—все!.. Если и грѣхъ это—пусть! Ты—все для меня, и не говори больше о томъ что было... Потомъ я сама тебѣ скажу все, а теперь не надо... ненадо!..

Она припала къ нему головой на грудь и крѣпко обвила его шею своими тонкими руками,—опять какъ тогда, въ ту далекую, волшебную ночь.

— Господи! шептала она,—какое счастье бываетъ на свѣтѣ, какъ хорошо жить!

— Да, хорошо жить! проговорилъ и онъ изъ всей глубины своего сердца.

Лолковникъ изъ Золотоноши.

Историческая повѣсть

А. Н. Кирилова.

(Продолженіе).

XV.

Долго стояла Ольга любясь моремъ. Еще не пришедшія въ порядокъ мысли ея блуждали то въ счастливомъ прошломъ, то въ кровавыхъ картинахъ неизвѣстнаго будущаго. Она чувствовала упадокъ силъ, потерю энергіи. Ей дѣжалось тяжело, она чувствовала пустоту и неудовлетворенность жизнью. Она начинала терять вѣру въ себя. „Я увлеклась идею,—великою идею,—но вѣдь я женщина, что я могу сдѣлать? Самое большое—убить свое я, позабыть себя, сдѣлаться матеріаломъ годнымъ или негоднымъ, цѣннымъ или недорогимъ—это все равно, для созиданія неизвѣстнаго будущаго своему народу. А силы мои истощаются, жизнь уходитъ, энергія пропадаетъ, и именно тогда, какъ мои братья тысячами кладутъ свои головы. Жить однимъ разсудкомъ, увлекаться съ разсчетомъ—это тяжело. Героемъ можетъ быть только мужчина. Безъ страха, среди ужасовъ человѣкоистребленія, достигая своихъ цѣлей, онъ становится выше толпы, онъ приобрѣтаетъ славу, является вождемъ, гордо несетъ голову впереди безпрекословно идущей за нимъ толпы. Мы, женщины, лишь помощницы этихъ избранныхъ, слѣпые исполнительницы ихъ велѣній и должны все дѣлать безъ надежды на славу, убивая въ себѣ природныя свойства— состраданіе, любовь и привязанность къ живому человѣку, увлекающемся не одними идеями, но и способному воспользоваться страстиами. Руководители гетерій, дипломаты и государственные люди, съ которыми мнѣ приходилось видѣться и имѣть дѣло, всѣ смотрѣли на меня, какъ на орудіе какой то другой, а не моей самостоятельной воли, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ до единаго не хотѣли знать, что я женщина, и могу хотѣть жить не одними увлечениями разсудка, но и чувствомъ. Правда, я сама прежде думала, что можно жить такъ, и отклоняла все, что могло сблизить меня съ кѣмъ нибудь. Теперь вижу, я ошиблась, жить такъ—тяжело, невыносимо. Единственный человѣкъ, которому я дозволила нѣсколько ближе сойтись со мною, ни по воспитанію, ни по положенію, не можетъ стать со мною рядомъ, да вдобавокъ врагъ мнѣ, патріотъ. Однако онъ былъ вѣдь мой и я хорошо сдѣлала, что не воспользовалась его увлеченіемъ. Мнѣ жаль его, онъ живое напоминаніе самыхъ отрадныхъ минутъ моей жизни. Увижу ли я его? Быть можетъ встрѣча будетъ ужасная, кровавая“...

Вошелъ Воло. Серѣзный, сосредоточенный, неразговорчивый, онъ пришелъ сообщить, чтобы Ольга не выходила на палубу при проходѣ чрезъ Дарданелы, такъ какъ если замѣтятъ ее на кораблѣ, то не ограничится предъявленнымъ разрѣшеніемъ на выѣздъ изъ Константина, но можетъ послѣдовать осмотръ всего корабельнаго багажа. Капитанъ хотѣлъ уходить, но Ольга его остановила.

— Куда же вы идете, капитанъ. Садитесь. Дайте мнѣ хоть что-нибудь узнать о дѣлахъ; вѣдь вы знаете, въ Вѣнѣ я ничего не могла знать о томъ, что такъ близко моему сердцу.

— Самъ мало знаю, отвѣтилъ нехотя Воло. Сидя на кораблѣ, что узнаешь?

— „Пелопонезъ“ былъ въ дѣлѣ, вы участвовали въ битвахъ? снова спросила Ольга неразговорчиваго капитана.

— Какъ не быть, мой корабль лучшій изъ нашего флота.

— Ну рассказывайте же, гдѣ и когда вы бились, сказала нетерпѣливо Ольга.

Воло рассказывалъ неохотно, коротко, безъ связи. На его равнодушно сосредоточенномъ лицѣ не проглядывало ни радости, ни удовлетворенія. Онъ все это дѣлалъ, словно какъ машина, какъ будто въ этихъ геройскихъ его дѣлахъ не участвовала его воля. Ольга охотно объяснила это скромностью храбреца и не захотѣла болѣе тревожить его разспросами о его подвигахъ.

Утѣшительныя вѣсти о дѣлахъ Греціи порадовали и нѣсколько успокоили Ольгу. Она еще не знала на сколько подвинулось дѣло и подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ неудавшейся попытки въ княжествахъ, думала, что оно состояло только въ рядѣ неѣльшихъ партизанскихъ схватокъ. Между тѣмъ еще въ іѣпѣ мѣсяцѣ, когда явился среди паликаровъ Дмитрій Ипсиланти съ волонтерами и съ значительными денежными средствами, дѣла инсургентовъ на полуостровѣ приняли блестящій оборотъ.

Наваринъ палъ подъ энергическимъ натискомъ грековъ; ороѣвшія турецкія войска стянулись къ Триполицѣ. Воспаленные удачами инсургенты хотѣли было взять городъ приступомъ, но попытка не удалась. Началась продолжительная осада. Съ горъ спустились толпы народа, женщинъ, дѣтей—смотрѣть на бой. Всѣ горѣди петерѣніемъ, жаждали добычи. Начались были переговоры, но горсть полудикихъ майнотовъ—бывшихъ горныхъ разбойниковъ, отважилась идти на приступъ и 5-го октября городъ палъ. Вслѣдъ за волонтерами нахлынула въ городъ толпа. Трое сутокъ неистовствовало разгоряченное mestью и жаждой грабежа полудикое горное населеніе. Турецкое войско и населеніе было измучено, истерзано безпощаднымъ образомъ. До верху илечуемые верблюды, мулы, женщины, изнемогавшие подъ тяжестью, увозили и уносили добычу въ горы. Это

было жестокое истребленіе, отъ котораго камня на камнѣ не осталось. Вслѣдъ за Триполицею пали и другіе города Пелопонеза, въ рукахъ турокъ остались только Патросъ, Ріонъ, Кароли и Медони.

Ольга вѣрѣжала почти въ освобожденную Грецію и при наилучшемъ положеніи боевыхъ дѣлъ.

У Галиполи корабль былъ остановленъ. Небольшая команда, сопровождаемая турецкимъ офицеромъ, поверхности осмотрѣла его и выдала новое свидѣтельство на проходъ чрезъ Дарданелы. Подъ вечеръ „Пелопонезъ“ оставилъ за собою возвышенный берегъ Сединбора и вступилъ въ Эгейское море.

Всю ночь на кораблѣ была страшная суета. Подымали грузъ и вытаскивали изъ подъ него тяжелыя коронады, оружіе, спаряды, блиндировали палубу, устраивали барбеты. Къ утру, когда Ольга вышла на палубу, она не узнала корабль: это былъ грозный боевой корветъ, съ развѣвшимся на немъ трехцвѣтнымъ греческимъ флагомъ. Матросы перемѣнили костюмы и были вооружены пистолетами и короткими саблями; около орудій стояли артиллеристы; впереди капитанской каюты содержался карауль. Ольгу удивило, кромѣ того, еще—что всѣ были на сторожѣ, капитанъ Воло то и дѣло всходилъ на вахту и озабоченно оглядывался вокругъ.

— Вы чѣмъ-то озабочены, капитанъ? спросила его Ольга, когда онъ сумрачный сошелъ съ вахты.

— Это самое опасное мѣсто, отвѣтилъ онъ отрывисто. Здѣсь крейсируютъ четыре турецкихъ фрегата, того и гляди наткнешься.

— Тогда что же?

— Тогда? проговорилъ вдругъ оживленно и рѣшительно Воло, тогда мы схватимся на абордажъ съ первымъ изъ нихъ и вы увидите, что такое „Пелопонезъ“!

Сказавъ это, Воло направился къ кормѣ, где установлена была самая большая коронада. Ольга осталась на палубѣ. Вдали на горизонтѣ, сквозь легкій туманъ, выглядалъ прелестный островъ Лимни, горы котораго, возвышаясь надъ уровнемъ моря, терялись въ вышинѣ, сливалась съ голубымъ небомъ. На поверхности моря играли дельфины, а красногорія фламинго съ шумомъ пролетали надъ кораблемъ, направляясь къ острову. Утро было ясное, слегка дуль съверо-западный вѣтеръ, вздывавший паруса „Пелопонеза“, и быстро гналъ его къ роднымъ берегамъ Мореи.

Къ вечеру вѣтеръ сталъ свѣжѣть. Едва видной на свѣтломъ горизонтѣ точкой, замѣтилъ стоящей на вахтѣ матросъ, турецкій корабль. Склонившееся къ горизонту вечернее солнце озаряло море снопами пурпурныхъ лучей, игравшихъ на поднявшейся зыби. Капитанъ Воло долго смотрѣлъ въ подзорную трубу, потомъ молча сошелъ внизъ, приказалъ перемѣнить паруса и направилъ „Пелопонезъ“ прямо на встрѣчу неожиданному врагу. Не прошло четверти часа, какъ показался боевой турецкій фрегатъ, смѣло выступившій впередъ для принятия боя. Воло еще разъ осмотрѣлъ фрегатъ въ подзорную трубу, стараясь въ точности опредѣлить его вооруженіе, снасти и число команды. Онъ вѣдѣлъ зарядить рулевую коронаду и скомандовалъ „къ бою!“ Первый выстрѣлъ былъ данъ съ турецкаго корабля. Ядро со свистомъ пролетѣло надъ палубой, рикошетомъ ударило и далеко за кормою подняло въ волнахъ рядъ красивыхъ фонтановъ. За первымъ выстрѣломъ послѣдовалъ другой, третій. Одно ядро ударило въ кормовую часть палубы и съ шумомъ разнесли бортъ. „Пелопонезъ“, подобравъ нижніе паруса, пошелъ по вѣтру тихо, безъ выстрѣла, принимая на себя иродольные выстрѣлы съ турецкаго фрегата. Приблизившись на самый близкій пушечный выстрѣлъ, онъ быстро, перемѣнивъ рейсъ и открывъ правый бортъ, даль неожиданный залѣгъ изъ четырехъ орудій, причинившій страшныя поврежденія на турецкомъ фрегатѣ. Воспользовавшись замѣшательствомъ, ловкимъ маневромъ онъ прибавилъ ходу, сталъ подъ бортъ фрегата и сѣдѣлъ на абордажъ, предупредивъ такимъ образомъ заготовленный ему смертоносный залѣгъ. Послышались ружейные выстрѣлы, сабельные удары, неистовые крики и вопли отчаянія. Греческие матросы, бывшіе пираты, хорошо знакомые съ подобного рода морскими схватками, въ одинъ мигъ очутились на турецкомъ фрегатѣ, ошеломивъ такою неожиданностью враговъ. Кровь залила палубу, послышалось еще нѣсколько выстрѣловъ, трескотня ружейныхъ выстрѣловъ и наконецъ все разрѣшилось страшнымъ громомъ взорваннаго на воздухѣ фрегата, послѣ чего онъ тихо сталъ опускаться ко дну. На поверхности моря осталось только нѣсколько изуродованныхъ труповъ, нѣсколько турецкихъ и греческихъ матросовъ, борющихся съ волнами. Весь черный отъ дыма, съ окровавленною рукою, стоялъ спокойный и угрупленный около борта Воло. Онъ приказалъ спустить катеръ, чтобы подобрать на морѣ своихъ матросовъ, а также подхватить одного турка для допроса. Онъ былъ радъ побѣдѣ, но недоволенъ, что нельзя было воспользоваться добычею; турки предупредили захватъ, взорвавъ геройски фрегатъ на воздухѣ.

Все это время Ольга сидела въ каюте и дрожала отъ ужаса. Она слышала тутъ орудій, трескотню ружейныхъ выстреловъ, она слышала стоны, крики, каюта наполнилась пороховымъ, удушливымъ дымомъ. Когда „Пелопонезъ“ сѣвился на абордажъ, она упала безъ чувствъ. Въ первое время Воло забылъ про нее и вспомнилъ только въ то время, когда на кораблѣ все успокоилось. Онъ вошелъ въ каюту и увидѣлъ молодую женщину, блѣдную, какъ полотно, безъ чувствъ лежащую на полу. Какъ ни бездушенъ былъ морякъ, какъ ни привыкъ онъ видѣть передъ собою всѣ ужасы, но онъ былъ тронутъ. Ему жалко было погибшей красавицы, на трубомъ лицѣ его показалось выражение чувства. Ставъ на колѣни, онъ слегка дотронулся рукою до головы Ольги, и къ его изумленію и радости она тихо раскрыла глаза.

— Что это, гдѣ я? спросила она слабымъ голосомъ.

— Ничего, ничего, все прошло, мы побѣдили, тихо проговорилъ Воло.

— Принесите воды, попросила Ольга.

Немного погодя Ольга пришла въ себя. При помощи Воло она легла на диванъ и успокоилась. Боевые сцены морского боя сильно ее разстроили, но свѣжий вечерній воздухъ и прелестный осенний вечеръ возстановили ея силы и укрепили ее. Еще долго, за полночь, она хлопотала около раненыхъ моряковъ, стараясь облегчить ихъ невыносимыя муки и страданія...

XVI.

Невдалекъ отъ малоазіатскаго берега, среди тихихъ водъ Эгейскаго моря, возвышается довольно обширный островъ Хіосъ, игравшій, какъ известно, немаловажную роль въ исторіи древней Греціи. Берега этого острова поражаютъ правильной формой полукруглыхъ бухтъ, полутропическимъ характеромъ растительности, близиной разбросанныхъ между кряжами горъ и окруженнѣи оливковыми садами, сельскихъ домовъ, ясностью озаряющаго ихъ неба. На сѣверной части возвышается довольно высокая, покрытая непроходимымъ буковыемъ лѣсомъ гора Иліосъ, служащая для моряковъ указателемъ приближающагося берега. Въ средѣ мѣстнаго населенія обѣ этой горѣ ходитъ бѣдна сказаний и легендъ, которая въ основе своей всегда имѣютъ кое какія историческія даннныя, столь обильно встрѣчаемыя въ богатомъ прошломъ этого острова. Южная часть острова разстилается плодоносными долинами, покрытыми или прекрасно воздѣланными полями кукурузы, или тщательно сохраненными оливковыми садами, померанцовыми рощами и плантациями сорго, табаку и проч. Бѣдна горныхъ ручейковъ, съ шумомъ катятъ свои воды въ море, орошаютъ и освѣжаютъ эту благодатную почву, растительность которой съ избыткомъ награждаетъ счастливыхъ поселенцевъ острова. Въ прелестной тихой бухтѣ, какъ разъ въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ отъ азіатскаго материка, на отрогахъ залитой зеленою горы, расположенной небольшой городокъ Xio, бойко торгующій съ Азіей и служащий передаточнымъ мѣстомъ по обмѣну товаровъ одной части свѣта съ другою. Жителіи города составляютъ по преимуществу греки и только отчасти армяне и евреи. Нѣсколько богатыхъ греческихъ купцовъ были старшинами острова, скупали отъ сельскихъ жителей ихъ продукты и доставляли имъ въ теченіи цѣлаго года работу на Хіосской пристани по нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ. Общее богатство и довольство острова известно было на всемъ Эгейскомъ морѣ и въ Константинополѣ.

Уже поздно ночью „Пелопонезъ“ подошелъ къ самому пустынному берегу сѣверной стороны Хіоса. На условленный сигналъ послѣдовалъ отвѣтный сигналъ съ горы Иліосъ. Темная южная ночь окутывала и корабль, и скалистый берегъ острова, и гордо возвышающейся кверху Иліосъ.

Съ корабля была спущена шлюпка. Тихо разсѣкая спокойно стоявшія воды, она вѣхала въ горную рѣчу и скрылась въ темномъ горномъ ущельи. Выступы горныхъ кряжей, покрытыхъ высокими кипарисами, закрывали ущелье отъ блѣднаго свѣта луны. Ночные птицы, изрѣдка перелетая съ одного берега ручья на другой, нарушили могильную тишину, а сидящіе по одиночкѣ филины, своимъ раздававшимся по временамъ одновѣчнымъ крикомъ, придавали этой мѣстности волшебный колоритъ.

Шлюпка поднялась вверхъ, ущелье съузилось. Около праваго берега, въ видѣ небольшаго выступа, открывался пологій откосъ, отъ которого по скалистой разщелинѣ, поднимаясь все въ гору, шла незамѣтно тропинка и входила наконецъ въ небольшое отверстіе громоздившихся въ этомъ мѣстѣ скалъ, теряясь затѣмъ въ громадной пещерѣ, называемой мѣстными жителями пещерою „Трехъ смертей“. О пещерѣ этой ходило множество сказаний, болѣе или менѣе фантастическихъ, болѣе или менѣе возбуждающихъ страхъ. Само название этой пещеры происходило отъ одной древней легенды, въ которой разсказывается, что будто бы три горныхъ духа, поселившись въ этихъ мѣстахъ, хотѣли облагодѣтельствовать населеніе, одинъ — помогая ему въ звѣриномъ промыслѣ, другой — въ рыболовствѣ, а третій — охраняя домоводство и внутренній покой семьи. Долго жили духи въ дружбѣ и ладу между собою; населеніе благоденствовало и приносило духамъ богатые дары. Но вотъ возбудились между ними зависть и неладицы; началась между ними борьба страш-

ная. Глыбы скалъ перелетали съ одной вершины на другую, горы отгнались перекатами, отъ которыхъ земля содрогалась. Пеперепуганное населеніе разбрѣжалось и ушло на южную часть острова. Въ пещерѣ три духа сошлись между собою и истребили другъ друга. Легенда говоритъ, что съ тѣхъ поръ въ пещерѣ стоитъ удушливый смрадъ, отъ которого умираетъ все живущее, и нога человѣка не заходила въ это царство смерти.

Лодка тихо причалила къ откосу и изъ нея вышли Скуфасъ и Ольга. По знакомой тропинкѣ они вошли въ пещеру, при чемъ стоявшій у входа въ разщелину часовой пропустилъ ихъ и отдалъ имъ воинскую честь. Пройдя немного далѣе по скалистому коридору, они вошли въ обширную пещеру, едва освѣщаемую тѣлѣвимся въ одномъ углу костромъ. Посрединѣ стоялъ стоялъ небольшой караулъ греческихъ солдатъ. Начальникъ караула отрапортовалъ Скуфасу о состояніи постовъ, о цѣлости охраняемыхъ боевыхъ припасовъ. Скуфасъ распорядился отрядить команду и двѣ лодки для перевозки груза съ „Пелопонеза“.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ Скуфасъ Ольгу, когда они усѣлись около костра, желая согрѣться отъ охватившей ихъ сырости.

— Я останусь здѣсь, Скуфасъ, отвѣтила твердо Ольга, я буду охранять эти склады, буду спасать и помогать погибающимъ.

— Но вѣдь ты знаешь, что предстоитъ Хіосу — поголовное истребленіе. Турки отплатятъ намъ за Триполицу.

— Знаю, поэтому-то и останусь здѣсь...

— Впрочемъ ты, какъ знаешь, Ольга, перебилъ ее Скуфасъ безучастнымъ голосомъ; но „Пелопонезу“ и прочимъ греческимъ судамъ я велю выдти изъ гавани. Оставлять ихъ здѣсь нѣтъ смысла и расчета. Я получилъ самая вѣрная свѣдѣнія, что Капуданъ-паша съ сильнымъ десантнымъ отрядомъ долженъ высадиться завтра утромъ. У него семь тысячъ войска, а у насъ кромѣ этого караула, да небольшаго самосскаго отряда, что у Логотетиса, больше нѣтъ ни одного солдата, ни одного ополченца.

— А жители острова? Ихъ до ста тысячъ человѣкъ. Неужели ты ихъ оставилъ безъ всякой помощи?

— Мне не откуда ее взять, Ольга. Солдаты дороже жителей, я бы и самосскому отряду приказалъ сѣсть на корабли.

— Неужели жители должны всѣ погибнуть! вскрикнула Ольга.

— Большинство погибнетъ, полу презрительно отвѣтилъ Скуфасъ. Хочется тебѣ раздѣлить съ ними участъ, оставайся.

— Я останусь, проговорила Ольга вспыхнувъ. Ей противенъ сталъ Скуфасъ, ей невыносимо было безучастіе и пренебреженіе, съ какимъ обращался къ ней этотъ авантюристъ, ставшій однимъ изъ руководителей греческаго восстанія, этотъ пиратъ, разбойникъ...

Къ утру грузъ съ „Пелопонеза“ былъ перенесенъ въ пещеру; часть караула переведена была на корабль, такъ что Ольга осталась всего только съ шестью человѣками изъ мѣстныхъ горныхъ жителей, отлично знавшихъ островъ. Двое изъ оставшихъ должны были стоять на вершинѣ горы и наблюдать за турецкою флотилею, уже показавшейся на горизонѣ, двое оставлены на горныхъ тропинкахъ, ведущихъ въ пещеру. Только двое могли оставаться тѣлохранителями Ольги и пользоваться вмѣстѣ съ нею бивуачными удобствами, т. е. жесткою постелью изъ сухихъ листьевъ, набросанныхъ на голый гранитъ.

До десяти часовъ утра все было спокойно. Часовые заняли свои мѣста и два ея тѣлохранителя, подкрѣпивъ себя рисовою кашею, сваренною ими здѣсь же въ пещерѣ надъ костромъ, спали крѣпкимъ сномъ. Но покой ихъ продолжался недолго. Къ полудню одинъ изъ сторожевыхъ, стоявшій на вершинѣ, принесъ страшное извѣстіе, что нѣсколько тысячъ турокъ высадились съ разныхъ сторонъ острова и что кругомъ уже запылали жилища мирныхъ жителей. Чрезъ часъ прибѣжалъ другой сторожевой и сообщилъ, что народъ бѣжитъ, куда попало, что турки уже наполнили плѣнными всѣхъ возрастовъ полную баржу, пустили ее въ море, предварительно провертѣвъ въ ней нѣсколько дыръ, такъ что баржа на глазахъ у всѣхъ съ толпою безумно кричащаго народа пошла ко дну. Часа въ три послышались пушечные выстрелы, но въ скоромъ времени смолкли. Ольга была въ отчаяніи, не знала, что дѣлать, на что рѣшиться. Забившись въ уголъ пещеры, она обдумывала, какимъ бы путемъ оказать помощь несчастнымъ, и взволнованная мысль ни на чёмъ не могла остановиться. То она хотѣла сойти съ горы и набрать изъ окрестныхъ селъ жителей, снабдить ихъ имѣющимся въ складѣ оружіемъ, стать впереди ихъ, и какъ Іоанна д'Аркъ, явиться спасительницей острова, но мечты эти разбивались простымъ соображеніемъ, что въ сѣверной части острова, кромѣ горныхъ охотниковъ, никого нѣтъ, да и тѣ, заслышавъ о приближеніи турокъ, поторопились убраться съ острова. То ей приходило на умъ явиться къ кровожадному пашѣ и умолять его остановить избѣженіе, но она сообразила, что пока удастся ей добраться до паши, ее схватятъ и рѣзтерзаютъ турецкіе солдаты. Горе и отчаяніе овладѣли молодою женщиной. Четыре тѣлохранителя, опершись на ружья, мрачно смотрѣли въ даль, повидимому покоряясь мысли о неизбѣжной гибели.

Начало смеркаться. Къ пещерѣ вело только двѣ тропинки, теряющихся въ горныхъ переходахъ. О пещерѣ и ходахъ въ нее почти никто не зналъ, и въ этомъ отношеніи Ольга была

спокойна; но все мысли ея были направлены къ тому, чтобы открыть это убѣжище несчастнымъ жителямъ, чтобы хотя нѣ сколькимъ семействамъ дать укрыться въ ней. Она велѣла караульнымъ спуститься съ горъ и розыскивать по окрестностямъ спасающихся жителей. Проводивъ караульныхъ, Ольга осталась одна въ дикомъ горномъ ущельи, на каменистой, круто спускающейся внизъ тропинкѣ, съ обѣихъ сторонъ которой почти отвѣсно возвышались глыбы гранита, оставляя надъ головою узкую ленту голубаго, усѣянаго звѣздами неба. Въ пещеру Ольга не хотѣла вернуться. Тамъ было такъ сырьо, холодно, уныло и страшно! Она присѣла на камень и задумалась, глядя вверхъ, на ленту синяго звѣзднаго неба, по временамъ прорѣзываемаго падающими звѣздами. Свѣжий воздухъ укрѣпилъ ея первы, разсѣялъ опасенія. Но все та же тяжелая мысль, что она ничѣмъ не можетъ помочь несчастнымъ жителямъ, не оставляла ее.

Прошло болѣе часу. Тишина мертвала. Полночь. Ни звука кругомъ. Окутанное ночью мглою дикое горное ущелье казалось еще мрачнѣе, еще таинственнѣе. Вдругъ впереди себя Ольга услыхала легкій шорохъ. Казалось, кто-то тихо пробирается по выступу впереди лежащей скалы, а затѣмъ обрисовался темный силуетъ какой то человѣческой фигуры. Это не могъ быть одинъ изъ ея караульныхъ: человѣкъ спускался съ горы по непроходимымъ кручамъ зря, и видимо не знакомъ былъ съ горными переходами. Но кто же это? Турокъ ли, одинъ ли изъ несчастныхъ, спасающихся отъ смерти? Пропло нѣсколько минутъ, вдругъ она услыхала шумъ и затѣмъ тихіе стоны, раздавшіеся почти у ея ногъ. Было ясно, что незнакомецъ, не зная горного ущелья, сорвался съ кручи и разбился. Ольга, не разсуждая долѣ кому придется подать помощь, быстро кинулась къ несчастному и увидѣла, что незнакомецъ сидѣлъ облокотясь спиной о скалу и тихо стоналъ.

— Ты ушибся? обратилась она къ нему по гречески.

— Мнѣ дурно, я пить хочу, тихо пробормоталъ онъ, на томъ же языке.

Ольга была рада, что незнакомецъ оказался соотечественникомъ. Она тотчасъ же вернулась въ пещеру, вѣжла отъ тлѣвшагося костра походный фонарь и, захвативъ кувшинъ съ водою, спѣшила къ ушибленному. Небольшой фонарь слабо освѣщалъ ущелье; торопясь, она спотыкалась о неровности каменистой тропинки. О страхѣ она забыла. Прежде всего она намочила несчастному виски, дала проглотить нѣсколько глотковъ воды. Ему стало легче. Онъ тихо открылъ глаза и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Ольгу, прекрасное лицо которой озарялось слабымъ свѣтомъ фонаря.

— Кто ты, моя благодѣтельница? Какъ ты сюда попала? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Соотечественница твоя, братъ, отвѣтила Ольга, продолжая ухаживать за несчастнымъ.

— Благодарю, сестра, отвѣтилъ онъ, тяжело вздыхая.

Незнакомецъ, свалившись съ утеса, только не опасно ушибъ себѣ ногу и голову. Ударъ ошеломилъ его и лишилъ сознанія; но холодная вода быстро возстановила силы, а горный воздухъ настолько укрѣпилъ его, что черезъ полчаса онъ могъ уже, поддерживаемый Ольгою, добраться до пещеры, где Ольга уложила его на свою незатѣйливую постель, на которой онъ тотчасъ же и заснулъ.

Ольга могла теперь разсмотрѣть незнакомца. Это былъ здоровый мужчина, лѣтъ тридцати пяти, въ одеждѣ моряка, въ кожаной курткѣ и ботфортахъ. Изъ-за пояса торчали у него большой ножъ и пара пистолетовъ, а ясно обозначавшейся на лицѣ широкій шрамъ, говорилъ за то, что онъ не разъ бывалъ въ боевыхъ схваткахъ. Лицо незнакомца было простое, но мужественное, открытое.

Было далеко за полночь, начинало свѣтать, но ни одинъ изъ караульныхъ еще не вернулся въ пещеру. Это начинало тревожить Ольгу. Она снова вышла изъ пещеры. На нее пахнула свѣжій утренній вѣтерокъ. Звѣзды начали меркнуть, изъ-за ущелья, далеко къ востоку, пробивался бѣловатый свѣтъ, выдѣляя голубоватыя легкія очертанія горныхъ вершинъ. Воздухъ оглашался шумомъ тысячъ щебетавшихъ птицъ, радостно встрѣчавшихъ весенне утро. Наконецъ внизу послышались шаги. Это были караульные; за ними шло до пятидесяти человѣкъ,—тутъ были солдаты, поселяне, было нѣсколько женщинъ съ грудными дѣтьми. У всѣхъ на лицахъ видѣнъ былъ испугъ, отчаяніе, всѣ отъ усталости еле-еле передвигали ноги, многіе были ранены.

И Ольга услышала ужасные разсказы. Около семи тысячъ турокъ высадилось на островъ и въ теченіи сутокъ неистовствовали. Чистенскій городокъ Хіосъ былъ просто залитъ кровью несчастныхъ. На каланчѣ турки вывѣсили голову старшины; улицы города завалены были трупами. Неистовству не было конца. Младенцевъ разбивали о камни; совершились возмутительныя безчеловѣчія. На небольшой Хіосской площади турки вздумали потѣшить себя иллюминациою и устроили громадный костеръ, на которомъ сожгли болѣе двухсотъ человѣкъ. Изъ всего городка, въ двадцать тысячъ жителей, спаслись лишь нѣ сколько сотъ человѣкъ, разсѣявшихъ по острову, где осталась только груда труповъ да развалины. Небольшой отрядъ самоскаго войска, настигнутаго турецкимъ войскомъ около одного

плоскогорья, принялъ битву и горсть храбрецовъ всѣ до одного, съ своимъ начальникомъ Логотетисомъ, легли на мѣстѣ. Народъ бѣжалъ, куда глаза глядѣли. Это было въ Апрѣлѣ мѣсяца 1822 года.

XVII.

Истребленіе Хіосцевъ продолжалось въ теченіи цѣлой пѣдѣли. Обезумѣвшія полчища ходили по острову съ одного конца до другаго, истребляя и разрушая все, что попадалось на пути. Единственное мѣсто, куда не заглядывали эти кровожадные звѣри, была нагорная мѣстность около Иліоса, и то благодаря ея неприступности. Сюда стекались несчастные бѣглецы, успѣвшіе укрыться отъ ножа влодѣевъ, и здѣсь ихъ скрывала въ неприступныхъ скалахъ Ольга, съ своимъ небольшимъ отрядомъ, организованнымъ изъ караульныхъ и изъ первыхъ пришельцевъ. Главнымъ распорядителемъ былъ первый изъ спасшихся въ пещерѣ „Трехъ Смертей“ морякъ Константинъ Канарисъ. Молчаливый, непривѣтливый, даже грубый, для дѣла онъ оказался незамѣнимымъ. Онъ сыскалъ въ горахъ еще нѣсколько помѣщеній, куда укрывались бѣглецы, онъ организовалъ летучій отрядъ, который встрѣчалъ и указывалъ путь несчастнымъ, подавая имъ первоначальную помощь, изъ оправившихся молодыхъ грековъ онъ сформировалъ небольшіе легіоны для отраженія нападенія турецкихъ солдатъ, уже показавшихся въ горной мѣстности. На попеченіи Ольги было до сорока человѣкъ раненыхъ и изувѣченныхъ, которымъ она дѣлала перевязки, всячески стараясь облегчить ихъ страданія. Передъ ея глазами то и дѣло были сцены самого глубокаго отчаянія, неутѣшнаго горя.

Разъ послѣ перевязки Ольга хотѣла отдохнуть въ выбранномъ ею уголкѣ пещеры,—ей помѣшалъ подошедший угрюмый Канарисъ.

— Вы хотите оставаться на островѣ до конца? спросилъ онъ тихо.

— Да, отвѣтила Ольга, пока не кончится это ужасное избѣженіе.

— Я долженъ оставаться подлѣ васъ: или спастись вмѣстѣ съ вами, или погибнуть. Это мой долгъ, такъ какъ вы спасли мнѣ жизнь. На Эгейскомъ морѣ я былъ самый страшный пиратъ, обо мнѣ знали и въ Малой Азіи и въ Европѣ; пиратъ этотъ теперь сдѣлался заклятымъ врагомъ турокъ. То, что здѣсь происходило, перевернетъ каменное сердце. Я отомщу злодѣямъ, отомщу жестоко. Всѣ эти ужасныя слова проговорилъ Канарисъ тихо, спокойно, но твердымъ голосомъ.

— Куда же вы уходите, Канарисъ? спросила Ольга.

— Куда? Я буду здѣсь подлѣ острова. Моя британтина не вдалекѣ. Сегодня ночью проbralся къ берегу мой другъ Георгій Пепинъ, я рассказалъ ему, что происходило на островѣ и мы рѣшились отмстить злодѣю пашѣ. Послѣ завтра на адмиральскомъ кораблѣ паша будетъ праздновать побѣду. Съ острова собрали двадцать лучшихъ красавицъ, оставшихся въ живыхъ. Приказано стянуть войска къ берегу противъ стоянки турецкаго флота и открыть празднество. На островѣ останутся одни запорожцы, которые будутъ добивать оставшихся. Но мы съ Пепиномъ помѣшаемъ этому празднеству. Выходи послѣ завтра на гору и ты увидишь самую страшную иллюминацію, какую когда либо видѣла. Прощай, спасибо тебѣ!

Канарисъ ушелъ; никто не видѣлъ, какъ онъ скрылся. Ольга едва могла собраться съ мыслями. Впереди страшное мишеніе, рядомъ съ нею запорожцы, и по всей вѣроятности Осипъ... и гдѣ же?—посреди дикихъ неистовствъ. „Неужели этотъ человѣкъ могъ участвовать въ такомъ дѣлѣ?“ спрашивала себя Ольга. Она вспомнила послѣднее ихъ свиданіе на турецкомъ кораблѣ, вспомнила его готовность перейти на сторону грековъ и пожалѣла, что отклонила его.

Съ уходомъ Канариса завѣдываніе вновь образовавшимися легіонами перешло къ старику Боцорису. Ольга попросила его узнать что дѣлается на островѣ; стѣсненные въ горахъ бѣглецы ощущали во всемъ крайнѣй недостатокъ. Кроме того ей хотѣлось знать, гдѣ расположены запорожцы и кто ими командуетъ. Къ вечеру лазутчикъ узналъ, что большая часть десанта уже посажена на корабли, что другая часть его сосредоточена на берегу около мѣстечка Мастока, противъ котораго стоитъ турецкій флотъ, что наблюденіе за островомъ поручено запорожцамъ, главная квартира которыхъ расположена была въ сѣверной части острова. Лазутчикъ узналъ также, что бывшій предводитель запорожцевъ раненъ въ одной схваткѣ около Хіоса и лежитъ теперь больной на адмиральскомъ кораблѣ, а командается запорожцами другой начальникъ, не такой свирѣпый, какъ прежній. Лазутчикъ былъ молодой, ловкій грекъ, отлично говорившій по турецки, такъ что у Ольги блеснула мысль, не воспользоваться ли его услугами, чтобы повидаться съ Осипомъ. Рано утромъ она подозвала его къ себѣ и неожиданно спросила:

— Вы не можете меня проводить въ лагерь запорожцевъ?

— Въ лагерь запорожцевъ? съ изумленіемъ спросилъ лазутчикъ. Вамъ вѣрно жизнь надоѣла!

— Мнѣ хотѣлось бы увидать ихъ начальника, я съ нимъ знакома; я упросила бы пощадить несчастныхъ, оставшихся въ живыхъ, отвѣтила спокойно Ольга...

(До слѣдующ. №).

Лисица и Заяцъ. Рис. и грав. Шехтъ.

И. С. Тургеневъ.

(Портретъ на стр. 881).

Въ понедѣльникъ, 22-го августа, въ два часа попо-
лудни, скончался Иванъ Сергеевичъ Тургеневъ.

Наши читатели уже знали изъ письма издателя „Ни-
вы“, въ какомъ печальномъ положеніи находился Иванъ
Сергеевичъ въ послѣднее время. Его здоровье, давно
уже ослабшее, окончательно испортилось въ текущемъ
году, и смерть его не явилась неожиданностью. Самъ
больной давно уже поговаривалъ о приближеніи смерти,
но безнадежность своего положенія созналъ только въ
послѣднія двѣ недѣли. Принимая за нѣсколько дней до
смерти своихъ близкихъ друзей, онъ сказалъ имъ:

— Въ послѣдній разъ прощайте!

А. П. Боголюбовъ, нашъ извѣстный маринистъ, глава
русскихъ художниковъ, проживающихъ въ Парижѣ, по-
цѣловалъ руку умирающаго. Тотъ нервно ее отдернулъ
и сказалъ:

— Живите и любите людей, какъ я ихъ всегда лю-
билъ...

Въ воскресеніе въ полдень онъ выпилъ два стакана
молока. Въ ночь на понедѣльникъ онъ потерялъ созна-
ніе. Утромъ, когда ему перемѣняли бѣлье, онъ узналъ
г-на Дюверну и пожалъ ему руку. Тотчасъ послѣ это-
го съ нимъ сдѣлалась агонія; онъ дѣлалъ большія уси-
лія, чтобы приподняться съ постели, руки хватались за
одѣяло... Въ два часа пополудни его не стало.

Выраженіе лица его спокойно. Черты поражаютъ кра-
сотой мастиаго старца.

На слѣдующій день, какъ передаютъ газеты, прибылъ
утромъ въ Буживаль нашъ консулъ и наложилъ печати
на имущество, составивъ предварительный протоколъ.
Это была простая формальность: все свое состояніе и
движимое имущество Тургеневъ отказалъ своему неизмѣн-
ному другу, г-жѣ Виардо. Ей же отказаны 20,000 рублей,
которые остались за одной книгопродавческой фирмой.

Тѣло его набальзамировано; вскрытие обнаружило по-
раженіе позвоночного столба, какъ былъ поставленъ діа-
гнозъ докторомъ Бѣлоголовымъ. Русскіе художники,
прибывшіе въ Буживаль въ среду утромъ, съ цѣлью
снять маску и портретъ съ покойника, опоздали—тѣло
уже было отправлено въ Парижъ; но маска и фотографія
сняты наканунѣ французскими художниками.

Много знаменитостей изъ литературнаго, артистиче-
скаго и ученаго міра присутствовало при отпѣваніи
Тѣла. Многіе изъ присутствовавшихъ при отпѣваніи,
какъ русскіе, такъ и французы, хотѣли произнести рѣ-
чи, но нашъ посолъ князь Орловъ убѣдилъ ихъ отка-
заться отъ этого намѣренія. Говорилъ одинъ только
протоіерей Васильевъ. „Мнѣ, твоему земляку, сказалъ
онъ, особенно чувствительна эта потеря. Еще въ моло-
дости, въ семинарскихъ стѣнахъ, мы гордились твоей
славой, превознося, что между великими дѣятелями со-
роковыхъ годовъ явилась крупная звѣзда на орловскомъ
горизонѣ, что нашъ орелъ, расправивъ крылья, паритъ
на высотѣ, что нашъ орловскій плодъ созрѣлъ и сладокъ цѣлой Россіи“.

Тѣло его покоятся въ трехъ гробахъ: первый—изъ
шелковой ткани, второй свинцовыій, наружный гробъ—
дубовый, съ серебряными ручками. Много вѣнковъ на
гробѣ; самый красивый отъ общества русскихъ худож-
никовъ въ Парижѣ, съ надписью: „Великому художни-
ку-писателю русскіе художники въ Парижѣ“. Тургеневъ
долгое время былъ секретаремъ этого общества.

Незадолго до смерти онъ высказалъ желаніе, чтобы
тѣло его было перевезено въ Россію. Конечно его по-
хороны будутъ болѣе чѣмъ торжественны, и многія ты-
сячи народа сойдутся у его гроба. Это былъ литера-
турный коллосъ, талантъ всеохватывающій, одинаково
срдний и понятный—и нѣмцу, и французу, и англич-

чанину. За нимъ чутко слѣдилъ литературный міръ всей
Европы. Едва появлялось его произведеніе на русскомъ
языкѣ, какъ тотчасъ-же его переводили и парижскія, и
лондонскія, и германскія изданія. Всюду его чтили,
всюду восхищались. Больше европейскіе таланты, ка-
кимъ былъ, напримѣръ, Захеръ-Мазохъ, преклонялись
передъ нимъ, какъ передъ учителемъ. Тѣсная дружба
связывала его съ такими первоклассными писателями
запада какъ, напримѣръ, покойный Флоберъ. Огромная
начитанность, блестящій умъ, превосходное образованіе
дѣлали его европейцемъ въполномъ смыслѣ этого сло-
ва. Отзывы иностранныхъ газетъ о немъ исполнены
теплаго чувства. Враждебныя Россіи изданія къ тѣ
примирияются на отзывѣ о немъ, видя въ немъ могучаго
представителя русскаго ума и таланта. Они наперерывъ
восхваляютъ его. Берлинскій „Post“, „Wiener Allge-
meine Zeitung“, вѣнскія „Presse“, „Figaro“, „Gaulois“,
„Daily News“—всѣ полны горячаго, искренняго участія.
Горе это не раздуето и не преднамѣренно.

Иванъ Сергеевичъ былъ сынъ полковника Елизавет-
градскаго кирасирскаго полка, квартировавшаго въ Орлѣ,
Сергея Николаевича, и помѣщицы орловской губерніи
Варвары Петровны Лутовиновой. Дѣтство его прошло
въ селѣ Лутовиновѣ-Спасскомъ, въ Мценскомъ уѣздѣ.
Онъ былъ средній изъ трехъ сыновей. Его съ дѣтства
окружили учителями всевозможныхъ національностей
(кромѣ русской), возили за границу, пичкали воспита-
ніемъ самыми невозможными. Единственная хорошая
сторона такого обученія была та, что мальчикъ выучился
болтать совершенно свободно по французски и по нѣмец-
ки. Воспитаніе же русское пришло *снизу*, непосредственно
изъ народа, изъ этого крѣпостнаго сословія, полновласт-
нымъ властелиномъ котораго онъ готовился быть. Въ
числѣ дворни былъ камердинеръ его матери, страстный
любитель чтенія: онъ-то и ознакомилъ его съ русской
литературой, прочитавъ ему *Россіаду* Хераскова, при
чемъ каждый стихъ произносился „сперва на-черно,
потомъ на-блѣло“.

Въ 1834 году, шестнадцати лѣтъ, Иванъ Сергеевичъ
поступилъ въ Московскій университетъ, подготовленный
къ нему въ частномъ пансіонѣ Вейденгаммера. Вскорѣ
по поступленіи онъ потерялъ отца (матушка его умер-
ла только въ 1850 году, 70 лѣтъ отъ роду). Въ Мо-
сковскомъ университетѣ онъ былъ не долго: въ слѣдую-
щемъ году перешелъ въ петербургскій, откуда и былъ
выпущенъ въ 1837 году дѣйствительнымъ студентомъ.—
Но самолюбіе заставило его сдать черезъ годъ экзаменъ
на кандидата. Образованіе въ университетахъ получалось
тогда не Богъ вѣсть какое. Иванъ Сергеевичъ не разъ
потомъ говорилъ, что его, кандидата университета, могъ
превзойти по древнимъ языкамъ любой теперешній гимна-
зистъ третьаго класса, хотя онъ и кончилъ курсъ по
филологическому факультету. Сознавая всю недостаточ-
ность своихъ знаній, онъ рѣшился щать доучиваться
за границу.

По дорогѣ онъ чуть не погибъ близъ Травемюнде на
загорѣвшемся пароходѣ. Это ужъ третій случай его
близости къ смерти. Четыре лѣтнімъ мальчикомъ онъ,
при осмотрѣ знаменитой Бернскій медвѣжьей ямы (въ
Швейцаріи), чуть было не провалился туда, да отецъ
успѣлъ во время ухватить его за ногу. Въ тотъ-же
годъ онъ такъ заболѣлъ, что снимали уже мѣрку для
гроба.

Поступивъ въ берлинскій университетъ, онъ съ
особенной любовью слушалъ лекціи философіи Гегеля,
классиковъ — Цумпта и Бока, и историковъ — Ганса
и Ранке. Воротившись оттуда въ 1841 году, съ
убѣжденіями западника, онъ поступилъ на службу въ

канцелярию министра внутреннихъ дѣлъ. Но литературная работа скоро отвлекла его отъ службы.

„Около Пасхи 1843 года,—рассказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—въ Петербургѣ произошло событіе, и само по себѣ крайне незначительное, и давнѣмъ давно поглощенное общимъ забвеніемъ. А именно: появилась небольшая поэма нѣкоего Т. Л., подъ названіемъ „Параша“. Этотъ Т. Л. (Тургеневъ-Лутовиновъ) былъ я; этой поэмой я вступилъ на литературное по-прище“...

Это былъ первый трудъ молодаго автора. Онъ занесъ Бѣлинскому (котораго зналъ очень мало) экземпляръ этой поэмы и не заставъ его дома, передалъ лакею. Въ тотъ же день онъ уѣхалъ въ деревню, и тамъ, два мѣсяца спустя, получилъ майскую книжку *Отечественныхъ Записокъ*, гдѣ была напечатана известная статья Бѣлинского о *Параши*. Знаменитый критикъ такъ горячо его расхваливалъ, что авторъ почувствовалъ больше смущенія, чѣмъ радости. На возвратномъ пути, въ Москву, онъ даже отрекся отъ своего дѣтища, утверждая, что сочинитель *Параши* вовсе не онъ. Но вернувшись въ Петербургъ, онъ тотчасъ пошелъ къ Бѣлинскому, и съ этихъ поръ начинается ихъ тѣсная дружба.

Хотя Бѣлинскій и ошибся, утверждая, что Тургеневъ не умѣетъ описывать любовь и что романъ не его сфера, но, тѣмъ не менѣе, онъ направилъ его на писаніе мелкихъ очерковъ, которые подъ общимъ заглавиемъ „Записки охотника“ составляютъ славу и гордость нашей литературы. Съ самаго первого разсказа „Хорь и Калинычъ“ онъ обнаружилъ свои неоцѣненные литературные качества: блестящую наблюдательность и дивный русскій языкъ. То въ Петербургѣ, то въ деревнѣ, то за границей, онъ постепенно пополнялъ коллекціи своихъ разсказовъ, гдѣ такъ тепло, съ такой любовью онъ относился къ крестьянину. Репутація его утвердилась сразу, вполнѣ,—и дальнѣйшими произведеніями только поддерживалась.

Настоянія друзей, желавшихъ видѣть въ *Запискахъ охотника* либеральное стремленіе автора къ преждевременному разрушенію крѣпостничества, сдѣлали то, что Иванъ Сергеевичъ въ 1852 году былъ водворенъ въ своемъ Орловскомъ имѣніи безъ права выѣзда. Внѣшнимъ подвомъ этой высылки былъ „Некрологъ Гоголя“, написанный Тургеневымъ и не пропущенный петербургской цензурой. Когда же онъ все таки напечаталъ свою статью въ Москву, его арестовали и онъ попалъ въ „Казанскую часть“, гдѣ въ немъ, по счастливому стечению обстоятельствъ, приняла нѣкоторое участіе дочь частнаго пристава, знакомая съ „Записками охотника“. Благодаря ей онъ провелъ двѣ недѣли ареста въ квартирѣ пристава, а не въ арестантской. Отсюда его прямо отправили въ деревню. Здѣсь, въ тиши, онъ написалъ превосходная повѣсти: *Дворянское гнѣздо* и

Рудинъ. Всльдъ за тѣмъ появилось знаменитое *Наканунь* и наконецъ его романъ *Оцы и дѣти*, въ которомъ онъ съумѣлъ уловить нарождавшіяся типъ нигилиста. Онъ пустилъ это слово въ обращеніе, положилъ основаніе цѣлому ряду новыхъ произведеній, сюжеты которыхъ до тѣхъ поръ не разрабатывались, къ которымъ словно боялись подойти писатели. *Оцы и дѣти* породили много споровъ и партій. Ближайшіе друзья Тургенева отнеслись къ этому произведенію холодно. Отъ враговъ, напротивъ того, онъ получалъ самые лестные отзывы и лобызанія. Но, тѣмъ не менѣе, пререканія по поводу типа Базарова, кажется, не мало содѣйствовали переселенію Ив. Серг. за границу. Онъ купилъ себѣ участокъ земли въ Баденъ-Баденѣ, построилъ тамъ виллу, и жилъ вплоть до конца франко-пруссской войны.

Познакомившись еще въ Петербургѣ съ пѣвицей Віардо,—этимъ удивительнымъ талантомъ, передъ которыми блекнуть всѣ современные дивы,—онъ остался ея вѣчнымъ другомъ. Ничто не могло поколебать его неизмѣнной къ ней дружбы и постоянства. Блестяще-образованная, превосходно знающая европейскіе языки, стяжавшая громкую славу пѣвицы, вмѣстѣ съ Ив. Серг. устраивала на Баденъ-Баденской виллѣ рауты и вечера, на которые съѣзжалось отборнѣйшее общество не только Баденъ-Бадена, но и всего міра. Достаточно сказать, что въ числѣ гостей на этихъ домашніхъ спектакляхъ были императоръ Вильгельмъ и „желѣзный канцлеръ“.

Въ Парижѣ онъ поселился въ улицѣ Rue de Douai въ одномъ домѣ съ Віардо, занимая для себя верхній этажъ. Оттуда онъ прїѣжалъ изрѣдка въ Россію, и прїѣзды его были рядомъ торжествъ и оваций, особенно со стороны „учащейся молодежи“. Въ его Парижскомъ домикѣ собирались все избранное русское общество, представители мысли, искусства, жившіе въ міровой столицѣ.

Это былъ небольшой домикъ съ садомъ. Странное убранство комнатъ дорогими мѣхами, олеными рогами и пр., давало чувствовать хозяина—жителя дальняго сѣвера. Самъ Тургеневъ, „пышный старецъ съ бородой и волосами убѣленными сѣдиной“, колоссальнаго роста, быть можетъ нѣсколько сутуловатый, съ живой рѣчью, быстрыми движениями рукъ, мягкимъ женственнымъ голосомъ, съ неизмѣннымъ черепаховымъ пенс-не, былъ душою и центромъ собраній. Работалъ онъ въ маленькой, тѣсной комнатѣ, выходившей узкимъ окномъ на площадь Вентимиль. Онъ былъ превосходный шахматный игрокъ, и владѣлъ въ совершенствѣ даромъ слова. Рассказъ, сообщаемый имъ слушателямъ, былъ еще лучше, живѣе и образнѣе, чѣмъ тѣ, что онъ излагалъ на бумагѣ.

На лѣто онъ переѣжалъ въ Буживаль, гдѣ у него была чудесная вилла. Тамъ, въ маленькомъ домикѣ, въ саду, и угасалъ онъ, далеко отъ родины, отъ той родины, которую онъ, несмотря на свое отчужденіе, горячо любилъ, и которой онъ оказалъ незабвенныя услуги...

Къ рисункамъ.

Гретхенъ.

(Рис. на стр. 876 и 877).

Типъ Гретхенъ, созданный Гете въ его великомъ, міровомъ произведеніи „Фаустъ“, одинъ изъ симпатичнѣйшихъ типовъ его мощнѣйшей поэзіи. Это воплощеніе первой любви—любви идеальной, довѣрчивой, готовой безкорыстно на всякия жертвы и страданія, облечено въ обольстительную форму простой, наивной девушки, воспитанной въ старинной, патріархальной семье, и въ строгихъ правилахъ религіи и нравственности. Гретхенъ трудолюбива, благочестива, кротка и вмѣстѣ съ этимъ готова всегда постоять за правду и рѣзко высказать правдивыя слова. Такое впечатлѣніе произвела она и на Фауста при своей первой съ нимъ встречѣ и онъ тутъ же высказываетъ, что Гретхенъ

„Благочестива и кротка,
А также нѣсколько рѣзка“.

Въ домашней жизни Гретхенъ замѣчается чисто национальная, нѣмецкая черта—во всемъ опрятность и порядокъ; въ бѣдной ея комнатѣ, при самомъ неизящномъ убранствѣ, все

дышетъ какой-то невозмутимой, патріархальной типиной, какимъ-то особымъ, тихимъ семейнымъ счастьемъ.

„Здѣсь тишина повсюду разлита,

Порядокъ, чувство совершенства!

Здѣсь въ этой бѣдности, какая полнота!

Въ смиренномъ уголкѣ и сколько тутъ блаженства!“ невольно говорить Фаустъ, когда его вводитъ Мефистофель въ комнату Маргариты и его мягкая, страстная душа какъ бы успокаивается среди этого уютнаго и невозмутимо счастливаго уголка. Но успокаивается онъ лишь на одно мгновеніе. Снова ненасытная, демоническая страсть овладѣваетъ всѣмъ его существомъ и требуетъ новой жертвы. Фаустъ настоятельно требуетъ отъ Мефистофеля, чтобы Маргарита сдѣлалась его добѣчей, и хотя послѣдній и сознается, что тутъ его сила пожалуй и не возьметъ, но все таки обѣщаетъ свое содѣйствіе. Въ спо-собахъ обольщенія, конечно, у Мефистофеля не было недостатка и адская сила, конечно, легко восторжествовала надъ неопытнымъ, наивнымъ и чистымъ сердцемъ Гретхенъ. Но какъ страшно, какъ ужасно поплатилась она за эту минуту невольнаго увлеченія. Всѣ бѣдствія какъ бы разомъ обрушились на

несчастную дѣвушку! Фаустъ, увлекаемый своимъ постояннымъ спутникомъ Мефистофелемъ, безслѣдно исчезъ, гоняясь за призраками разныхъ классическихъ красавицъ на шабашахъ вѣдьмъ: мать Гретхенъ умерла отъ отчаянія, отъ позора дочери, братъ погибъ за ея честь отъ руки Фауста, она сама, обвиняемая въ убийствѣ своего ребенка, полупомѣшанная, томится въ цѣпяхъ, среди мрачной и сырой тюрьмы, въ ожиданіи смертного приговора. Все рушилось разомъ: мечты, надежды, любовь, но и сре-

ворить она свою возлюбленному, и когда Мефистофель предупреждаетъ, что заря уже занимается, что пора спасаться и что иначе Гретхенъ не спасется, „она осуждена!“, голосъ свыше отвѣчаетъ: „Она спасена!“ И не только спасена Гретхенъ путемъ страданій и раскаянія, но и самъ Фаустъ, какъ это открываетъ поэтъ во 2-й части своей поэмы, черезъ нее же находить доступъ къ высшему милосердію и избѣгаетъ вѣчной муки.

Мельницы въ Евпаторіи, въ Крыму. Рис. съ натуры Тисандье, грав. Тилли.

ди страданій душа Гретхенъ осталась чиста попрежнему. Ее обвиняетъ судъ людской, но судъ Божій не можетъ обвинить ее; она передъ нимъ неповинна, такъ какъ чистая, безкорыстная, высокая любовь—все ея преступленіе. Всѣ ея надежды,

Новая ратуша въ Вѣнѣ.

(Рис. на стр. 884).

Въ день двухсотлѣтней годовщины освобожденія Вѣны отъ

Аврайская мельница въ Морбиланѣ, во Франціи. Рис. съ натуры Тисандье, грав. Тилли.

всѣ ея помыслы обращаются теперь къ высшему, непогрѣши-
мому Судѣ—Богу.

„Отець! я твой, я твой!
Спаси и помилуй меня!
Вы Божіи ангелы,
Вы силы небесныя—
О, осѣните меня!“

звываетъ Маргарита изъ своего подземелья и когда является Фаустъ, въ сопровождении неизмѣнного Мефистофеля, чтобы освободить ее, то она, все еще любя его, предпочитаетъ лучше очистить свой грѣхъ смертью, нежели слѣдовать за нимъ и губить еще болѣе свою душу. „Ты страшенъ мій, Гейнрихъ“, го-

турокъ, будетъ освящено великолѣпное новое зданіе ратуши, постройка котораго продолжалась 11 лѣтъ. Площадь, на которой возвышается новая ратуша, вмѣщаетъ, кромѣ этой постройки, еще университетъ, зданіе парламента и королевскій придворный театръ—постройки, отличающіяся своеобразными, строго выдержаными стилями. Ратуша сооружена архитекторомъ Фридрихомъ Шмидтомъ, который въ этой постройкѣ очень удачно соединилъ готическую форму со стилемъ Возрожденія. Между четырьмя упомянутыми колоссальными зданіями находится паркъ ратуши, разбитый по плану Зибека, составляющій прекрасное украшеніе улицы Рингъ, а также излюбленное место прогулокъ населенія этой части города.

Ратуша занимаетъ площадь въ 80 саженей въ длину и 65 въ

глубину и заключает сеть дворовъ. Противъ главнаго входа лежитъ большой дворъ, къ которому примыкаютъ два продольныхъ прохода, изъ которыхъ каждый по перечными проходами дѣлится на три двора. По плану зданіе имѣетъ нижній, въ уровень съ землею, этажъ, высокій пантеръ, два этажа и мезонинъ. На средней части главнаго фасада, рисунокъ котораго помѣщенъ на стр. 844, находится массивная, квадратная башня. На углахъ помѣщены выдающіеся павильоны съ высокими, поднимающимися надъ зданіемъ крышами мансардъ. Точно также въ срединѣ заднаго и боковыхъ фасадовъ находятся громадные флигеля, увѣнчанные выдающимися крышами мансардъ. Въ нижнемъ этажѣ, со стороны главнаго фасада, устроены открытыя арки, своды которыхъ покоятся на массивныхъ колоннахъ. Въ вертикальномъ направленіи этажи отдѣлены выступающими пилastersами, а въ горизонтальномъ—большими, сильно выдающимися карнизами. Окна высокаго пантера и обоихъ этажей стрѣльчатыя, раздѣлены колоннами. Вокругъ карниза крыши находится галерея. На пиластрахъ средней части этого карниза помѣщены типическія фигуры, представляющія различные промыслы. На угловыхъ павильонахъ и на пиластрахъ главнаго фасада помѣщены типы разнаго оружія по перемѣнѣ съ щитодержателями, на которыхъ изображены гербы пригородовъ. На башнѣ сгруппированы щитодержатели съ гербами Имперскихъ странъ.

Съ передней стороны башни находится главный входъ, ведущій въ большой приемный залъ и черезъ него въ обширный, окруженный арками, дворъ. На обоихъ концахъ приемного зала помѣщаются большія площадки великолѣпныхъ лѣстницъ, ведущихъ въ парадные залы первого этажа. Тутъ находится громадный продолговатый залъ въ два свѣта, со стрѣльчатыми галереями и плоско-сводчатымъ потолкомъ. Къ этому залу съ южной стороны примыкаютъ приемные покой бургомистра. Въ срединѣ южнаго фасада находится парадный залъ бургомистра, противъ среднаго двора—парадный залъ оружейнаго музея, а у сѣвернаго фасада—залъ засѣданій магистрата. Прочія обширныя помѣщенія во всѣхъ этажахъ служатъ для разныхъ цѣлей городскаго центральнаго управлія. Въ мезонинѣ, противъ среднаго двора, находятся помѣщенія для библиотеки, архива и постоянной исторической выставки.

Видъ въ Саратовской губерніи.

(Рис. на стр. 885).

Одна изъ нашихъ житницъ, Саратовская губернія, особенно въ сѣверной своей части, холмистой и лѣсистой, имѣетъ чрезвычайно красиыя мѣстности и живописные виды. Чудесный пейзажъ, здѣсь изображенный съ фотографіи, именно взятъ съ одной изъ такихъ мѣстностей. Мирная деревенька съ красивымъ названіемъ „Черный Затонъ“ раскинулась своими избами среди кущъ деревьевъ, среди нашихъ черноземныхъ зеленыхъ, роскошныхъ извѣ и красивыхъ излучинъ небольшой рѣки Чернавы. Какъ приютенъ и тихъ этотъ мирный уголокъ! Кое гдѣ видны и плодовые садики, ибо садами и отлично, мастерской прививкою плодовыхъ деревьевъ славятся некоторые деревни въ уѣздахъ Аткарскомъ, Волгскомъ и Камышинскомъ. Тутъ же въ этихъ ключевыхъ прудахъ и рѣкахъ ведется и рыболовство, которое на великой нашей Волгѣ принимаетъ такие по истинѣ гигантскіе и грандиозные размѣры.

Лисица и заяцъ.

(Рис. на стр. 889).

На рисункѣ Шпекта мы видимъ сцену, имѣющую, если хотите, даже символическій смыслъ: здѣсь видна побѣда смѣлости и храбрости надъ слабостью и трусостью; побѣда хищницы-лисицы надъ простакомъ-зайцемъ. И эта побѣда въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно несомнѣнна, если только сравнить свойства и способности обоихъ соперниковъ. Кто изъ насъ не знаетъ зайца—этого длинноухаго и длинноусаго звѣрька, который даже въ древности всегда служилъ типомъ пугливаго и трусливаго животнаго, и кому не извѣстны разсказы обѣ необычайной хитрости и умѣ лисицы, олицетворенной даже въ сказкахъ всѣхъ вѣковъ и народовъ. Заяцъ у насъ самый обыденный звѣрекъ, и принадлежитъ къ породѣ грызуновъ вмѣстѣ съ крысами и мышами, водится во всѣхъ частяхъ свѣта, исключая лишь Новую Голландію и ея острововъ. Онъ встрѣчается во всѣхъ климатахъ; въ лѣсахъ, на горахъ, въ равнинахъ. Днемъ онъ прячется въ какомъ нибудь углубленіи или норѣ, а ночью охотится за пищей. Испуганный чѣмъ нибудь, заяцъ бросается бѣжать, какъ говорится, во всѣ лапатки, и тутъ то выказывается вся легкость и быстрота его бѣга; при медленной ходѣ онъ двигается чрезвычайно неловко и неуклюже. Слухъ у него плохо развитъ, а зрѣніе довольно тупо и въ этомъ уже отношеніи онъ является плохимъ противникомъ дальновзоркой и чуткой лисицы. Въ понятіи народа заяцъ до сихъ поръ считается животнымъ добродушнымъ, миролюбивымъ, трусливымъ, беззащитнымъ, но по наблюденіямъ натуралистовъ, онъ обладаетъ и противоположными свойствами. Такъ онъ выказывается иногда очень злымъ и задорнымъ, а хитрость у него, особенно

въ старшемъ возрастѣ, проявляется въ удивительномъ даже развитіи. Да и самая его трусость оказывается не такъ велика, какъ обѣ ней обыкновенно думаютъ. Размноженіе зайцевъ чрезвычайно быстро, и они могли бы производить страшное опустошеніе на нашихъ поляхъ и огородахъ, еслибы ихъ не уничтожали ихъ враги въ громадномъ количествѣ. Списокъ этихъ враговъ зайца дѣйствительно очень длинный; его преслѣдуютъ собаки, волки, рыси, кошки, лисицы, куницы, орлы, филины, вороньи, ястребы, и даже сороки. Кроме того ему нѣть спуска и отъ человѣка, и въ Богеміи на производство однихъ шляпъ ежегодно идетъ 40000 заячьихъ шкурокъ.

Одни старые, опытные зайцы не поддаются легко врагамъ и даже лисицѣ трудно справиться съ такимъ зайцемъ, если онъ еще здоровъ и въ полной силѣ. Пустившись какъ стрѣла, онъ спасается отъ лисицы бѣгомъ и въ чащѣ лѣса не легко его поймать хитрой кумушкѣ, хотя, какъ мы уже сказали выше, въ способностяхъ лисицы надъ зайцемъ рѣшительный перевѣсъ; Лиса обладаетъ удивительной памятью и знаніемъ мѣстности, терпѣлива и вмѣстѣ рѣшительна и одинаково искусна въ прыганьяхъ, ползаніи, бѣганіи и плаваніи. Одинъ лишь человѣкъ является для нея опаснымъ врагомъ; другія же животныя положительно пасуютъ передъ ея умомъ и хитростью. Только эти качества, данные ей въ избыткѣ самой природой, до сихъ поръ охраняютъ ее отъ конечнаго истребленія при безощадномъ преслѣдованіи ея человѣкомъ. Лисица постоянно въ осадномъ положеніи, но она не унываетъ и всегда добудетъ хороший обѣдъ и выищетъ себѣ добычу; нужда къ ней приходить лишь зимой, когда глубокій снѣгъ затрудняетъ ея охотничіи подвиги. Въ другое время въ звѣрькахъ, годныхъ для ея желудка, недостатка не ощущается, и въ лѣсу можно встрѣтить часто лисицу въ томъ побѣдномъ упоеніи, съ трофеемъ въ зубахъ, какъ она изображена на рисункѣ Шпекта.

Вѣтряныя мельницы.

(Рис. на стр. 892).

Пока еще не опредѣлено откуда занесены въ Европу образцы вѣтряныхъ мельницъ; въ первое время среднихъ вѣковъ онѣ вовсе не встрѣчаются, и очень возможно, что латиняне вовсе ихъ не знали. Витрувій ничего о нихъ не говоритъ, а между тѣмъ онъ не оставилъ-бы безъ вниманія предмета, который существовалъ въ его время, такъ какъ онъ упоминаетъ о водяныхъ мельницахъ, которыхъ уже давно были извѣстны въ древности. Что касается Россіи, можно сказать съ достовѣрностью, что онѣ были извѣстны съ самыхъ древнихъ временъ.

Есть свѣдѣнія о договорѣ, заключенномъ въ 1105 г., по которому одно духовное общество во Франціи получило право выстроить вѣтряную мельницу. Въ Национальной Библіотекѣ въ Парижѣ хранится очень интересная рукопись: „Путешествіе въ Іерусалимъ барона д'Англюра, 1395 г.“. Описывая очень подробно всѣ достопримѣчательности, попадавшіяся ему на пути, баронъ д'Англюръ, между прочимъ, говоритъ: „Въ Родосѣ, прекрасномъ и значительномъ портѣ есть шестнадцать вѣтряныхъ мельницъ, стоящихъ въ одну линію и одна возлѣ другой, изъ которыхъ большинство имѣетъ по шести маховикамъ“.

Г. де Комонъ описывая въ XV вѣкѣ въ своемъ „Заморскомъ путешествіи въ Іерусалимъ“ замѣчательные памятники, которые онъ видѣлъ на Родосѣ, говоритъ также о 16-ти мельницахъ, стоящихъ въ одинъ рядъ вдоль стѣны города, „которыя мелятъ день и ночь, зиму и лѣто, и то онѣ мелятъ всѣ вмѣстѣ, то останавливаются всѣ сразу“.

По описанію г. Леопольда Делиль, вѣтряныя мельницы становятся извѣстными только въ концѣ шестнадцатаго вѣка. Тогда ихъ называли турецкими мельницами. Поэтому стали предполагать, что употребленіе этихъ машинъ вывезено крестоносцами съ Востока. Предѣдущія выписки подтверждаютъ это предположеніе; очень правдоподобно, что путешественники, вернувшись изъ Святой земли, рассказывали на родинѣ о томъ, что они видѣли во время своихъ странствованій.

Евпаторійскія мельницы, изображенныя на стр. 892 (фиг. 1), могутъ служить образцами восточныхъ мельницъ; все они стоятъ въ одну линію и одна возлѣ другой. Большая ихъ часть имѣетъ по восьми маховикамъ; онѣ занимаютъ все предмѣстье города по берегу Чернаго моря и представляютъ чрезвычайно живописный видъ.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, во Франціи встрѣчались мельницы, выстроенные изъ камня. Въ Морбиганѣ, около города Оре (Аугау), сохранился еще образецъ подобной постройки (фиг. 2).

Въ Англіи, въ Честертонѣ, есть также каменная мельница, построенная въ 1678 г. Она круглая, но поддерживается пятью арками, такъ что низъ ея съ просвѣтами. На первый этажъ входятъ по деревянной лѣстницѣ.

По многимъ рисункамъ для обоевъ, со временемъ Карла IX, видно, что въ это время около Парижа было много вѣтряныхъ мельницъ, такъ напр. въ Гобеленахъ, Ст. Марсели, Монмартрѣ и пр. и наконецъ на холмѣ Мельницѣ, нынѣшней аллѣ оперы. Отсюда онѣ къ концу 1668 г. были перенесены въ Монмартръ на гору Св. Женевьевы и другія мѣста. Въ XVIII вѣкѣ еще мно-гія изъ нихъ существовали на Монмартрскомъ холмѣ; теперь же ихъ осталось только двѣ.

Политическое обозрение.

Черногорія и Турція.—Австро-Венгрия.—Германія.—Франція.—Іспанія.

Поездка князя Черногорского в Константинополь, повидимому, повела к установлению границы; Порта уступает Черногории значительную полосу в обмен на несколько мусульманских деревень, но стратегическое положение Турции в отношении Албании остается неприкосновенным.

В Хорватії движение не уменьшается; хорватский банъ графъ Пеячевичъ уже вышелъ въ отставку и на его мѣсто посланъ чрезвычайный комисаръ, фельдцейхмейстеръ Рамбергъ, которому поручено какъ возобновить порядокъ, такъ и управлять краемъ вперед до назначения нового бана; въ нѣсколькихъ мѣстахъ происходили стычки между австрійскими войсками и хорватами, причемъ въ одной изъ нихъ австрійцы отступили; что же касается отношения правительства къ вопросу, то въ высшихъ сферахъ обозначились два направления: одно стремится склонить мадьяръ къ уступкамъ хорватскимъ требованиямъ, другое же настаиваетъ на необходимости энергическихъ мѣропріятій и непремѣнномъ введеніи венгерскихъ гербовъ; на этомъ въ Вѣнѣ настаивалъ болѣе всѣхъ Коломанъ Тисса; оказывается, что его союзники приняты: венгерские гербы вновь наклеиваются, и Рамбергъ посланъ согласно его указанию; дѣло въ томъ, что когда графъ Пеячевичъ отказался отъ своей должности, то Тисса опять прѣѣхалъ въ Вѣну и заявилъ, что въ случаѣ если его требования не будутъ удовлетворены — онъ подастъ въ отставку; едва ли однако венгерцы добутся такимъ путемъ чего либо — хорваты организованы по военному и имѣютъ хорошее вооруженіе, а национальная партія говоритъ даже о возможности войны между Венгрией и Хорватіей, которая, по ихъ убѣждению, побѣдить своихъ утѣшителей.

Прусское правительство и Ватиканъ расходятся все болѣе и болѣе; папскій официальный органъ, „Osservatore Romano“, по мнѣнию нѣмцевъ, съ цѣлью будто бы выбралъ день празднованія Германіей седанскаго сраженія, чтобы объявить Пруссіи, что римская курія не одобряетъ нового прусскаго закона; вотъ какъ выражается по этому поводу нѣмецкое общественное мнѣніе:

„Пруссія и не требовала для него ни одобренія, ни санкціи римской куріи, а желала только, чтобы прусскіе епископы выполняли законъ. Но по всѣмъ признакамъ, прусскіе епископы не могутъ выполнять закона, неодобренного Ватиканомъ. На вопросъ: почему курія не считаетъ возможнымъ одобрить законъ, заключающій въ себѣ столько существенныхъ уступокъ въ пользу римской церкви — римскій клерикальный органъ отвѣчаетъ, что курія не одобряетъ его потому, что прусское правительство не обеспечиваетъ въ немъ духовнымъ лицамъ свободнаго отправленія священническихъ обязанностей и свободнаго образования лицамъ, готовящимся на церковныя должности. Въ Римѣ, повидимому, и до сихъ поръ пребываютъ въ твердомъ убѣжденииъ, что прусское правительство еще не дошло до конца своихъ уступокъ. Прусская палата депутатовъ собирается вновь

черезъ мѣсяцъ или два, и партія клерикального центра снова вступить въ свою роль, отъ направлений которой и будутъ зависѣть дальнѣйшія решения правительства; ни партія центра, ни ея предводитель, Виндторстъ, не оказали правительству услугъ, настолько существенныхъ, чтобы, взамѣнъ ихъ, требовать себѣ уступокъ, а потому и новый церковный законъ удержится въ своей силѣ, независимо отъ того, одобрить ли или не одобрить его римская курія. День седанской побѣды былъ отпразднованъ берлинцами очень скромно; рѣдкіе флаги на немногихъ домахъ и разноцвѣтные фонари вечеромъ передъ нѣкоторыми ресторанами, служили единственнымъ отличительнымъ признакомъ праздничного настроения; педагогическая и военная часть праздника, заключающаяся въ торжественныхъ актахъ въ нѣмецкихъ училищахъ и школахъ, въ собранияхъ военныхъ ассоціацій и въ загородныхъ экскурсіяхъ нѣмецкихъ гимнастовъ, была соблюдена съ обычной точностью; нѣкоторые берлинскіе газеты посвятили 2-му сентябрю специальную статью, въ которыхъ выставляли миролюбивый и чисто национальный характеръ седанскаго празднества; но миролюбивое настроение среди нѣмцевъ простиралось и до того даже, что многіе, несмотря на недавнюю газетную войну между Германіей и Франціей, высказались противъ празднованія седанской побѣды, находя, что оно только поддерживаетъ взаимное раздраженіе между двумя народами, которые, ради общаго блага, должны были бы находиться въ согласіи.

Франція, заключивъ миръ съ Тонкиномъ, тѣмъ самымъ еще далеко не кончила своей экспедиціи и, повидимому, напротивъ, теперь у нея едва ли не начинается война съ Китаемъ; почти ежедневно слышно о томъ, что китайскія войска переходятъ въ Тонкинъ и присоединяются къ „чернымъ флагамъ“; правительство бодыхана, съ своей стороны, не признаетъ договора Франціи съ Аннамомъ, котораго считаетъ вассальнымъ государствомъ; въ Англіи даже полагаютъ, что общее раздраженіе китайцевъ противъ Франціи такъ сильно, что война очень вероятна.

Вопросъ о Суэскомъ каналѣ вышелъ — пока нынѣ — изъ сферы официальной: Глэдстонъ заявилъ французскому правительству, что до созванія парламента, сессія которого предстоитъ въ ноябрѣ, англійское правительство воздержится отъ всякаго вмѣшательства, клонящагося къ измѣненію положенія суэскаго канала и нынѣшнихъ на немъ порядковъ; по мнѣнию Глэдстона, въ промежутокъ этого времени англійскіе арматоры и управление канала могли бы, помимо официальныхъ путей, прийти къ полюбовному соглашенію.

Въ Испаніи, повидимому, волненія прекратились и порядокъ уже вновь обеспеченъ; король, согласно союзу первого министра, повелѣлъ возобновить конституціонную гарантію и выѣхалъ въ Германію, черезъ Францію; но военный министръ, Мартинецъ-Кампосъ, по слухамъ, выйдетъ изъ кабинета Сагасты; народъ — всюду выражалъ преданность королю.

СМѢСЬ.

Новая экспедиція въ Гренландію, подъ руководствомъ барона Норденскіольда, снаряженная Оскаромъ Диксономъ, отправится на корабль „Софія“. Корабль этотъ, вмѣстимостью въ 180 тоннъ, снабженъ паровой машиной въ 65 лошадиныхъ силъ; дѣлаетъ онъ 11 узловъ въ часъ; имѣеть 13 человѣкъ экипажа; команду надъ нимъ приметъ капитанъ Нильсонъ. Въ экспедиціи Норденскіольда примутъ участіе: докторъ геологіи Наторстъ, врачъ и ботаникъ Берлинъ, докторъ зоологіи Форстрандъ, гидографъ Гомбергъ, зоологъ Кальтофъ и фотографъ Кіельстромъ. Кромѣ того на корабль будутъ находиться два лапландца, два норвежца, какъ искусственные знатоки въ борьбѣ со льдомъ, и одинъ гарпунистъ. Провизія и снаряженіе разсчитаны на 14 мѣсяцевъ. На корабль же „Софія“ отправляются ботаникъ Страмфельдъ, докторъ археологіи Арпи и минералогъ Флинкъ, которыя высадятся на берегу Исландіи, где они намѣрены дѣлать свои изысканія.

Новый мостъ, соединяющій Нью-Йоркъ съ Бруклиномъ, представляетъ собой величайший цѣпной мостъ въ мірѣ. Протяженіе собственно цѣпного моста, т. е. пространство между башнями, равняется 1595 $\frac{1}{2}$ футовъ; кроме того съ каждой стороны отъ башни мостъ имѣеть еще по 971 футу. Такимъ образомъ длина всего моста болѣе англійской мили. Мостъ раздѣленъ на пять параллельныхъ проѣздовъ, каждый въ 15 футовъ ширины. Два крайнихъ пути предназначены для экипажей, рядомъ съ ними проѣзы для трамвай-вагоновъ, которые движутся по безконечной цѣпи. По серединѣ дорога для пѣшеходовъ; она возвышается надъ остальными на 12 футовъ и такимъ образомъ съ нея всюду представляется прекрасный видъ. Постройка моста должна была обойтись въ 7 миллионовъ долларовъ, но потомъ была сдѣлана дополнительная смета, вслѣдствіе нѣкоторыхъ измѣненій въ конструкціи, и общая стоимость моста достигла 15 миллионовъ долларовъ.

Абдъ-ель-Кадеръ, какъ сообщаютъ въ „Köln. Ztg.“ изъ Парижа, действительно умеръ. Дѣянія и заслуги этой замѣчательной

личности нашего столѣтія будутъ достойно оценены потомками и онъ неспорно выступитъ въ блестящемъ свѣтѣ. Имя его будетъ прославлено какъ защитника независимости своего народа, какъ борца за свободу, геройство котораго было подавлено только въ значительныхъ силахъ превосходящимъ противникомъ; всѣ темныя дѣла его, вызванные фанатизмомъ и ненавистью къ прѣѣнителямъ, не будутъ поставлены ему въ упрекъ. Завоеваніе Алжира представляетъ кровавую страницу исторіи и упорное сопротивленіе Абдъ-ель-Кадера въ теченіи многихъ лѣтъ усилило еще болѣе его ужасы. Абдъ-ель-Кадеръ былъ въ одно и тоже время лицомъ духовнаго званія, ученымъ и воиномъ; въ развитіи, знаніяхъ, храбрости и талантахъ военачальника съ нимъ никто не могъ сравниться изъ его соотечественниковъ. Выбранный эміромъ нѣкоторыми арабскими племенами, онъ, во главѣ 10-тысячной арміи, объявилъ въ 1832 г. войну Франціи, которая незадолго передъ тѣмъ завладѣла Алжиромъ и уничтожила здѣсь турецкое владычество. До 1847 года обѣими сторонами велась упорная и ожесточенная война. Часто счастье улыбалось арабскому эміру, но въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ покориться. Абдъ-ель-Кадеръ нѣсколько лѣтъ, въ качествѣ военно-полѣнаго, проживалъ во Франціи и только Наполеонъ III вернулся ему свободу. Послѣ чего онъ поселился въ Бруссѣ, а позднѣе въ Дамаскѣ и вѣль уединенную жизнь. Эти города онъ покидалъ только два раза на самое короткое время: для посѣщенія первой парижской выставки и еще для другаго случайного путешествія. Всюду въ Европѣ, при проѣздѣ, онъ былъ принимаемъ съ почетомъ и уважениемъ. Въ 1860 году, когда онъ жилъ въ Дамаскѣ, христіане, оскорблѣмые и подвергавшіеся насилию со стороны друзіевъ и турокъ, встрѣчали въ немъ энергического защитника и покровителя ихъ безопасности. Абдъ-ель-Кадеръ родился въ 1807 году въ округѣ Маскара и названъ былъ длиннымъ именемъ — Зиди-ель-хаджи Абдъ-ель-Кадеръ Уледъ-Махеддинъ; онъ проходитъ изъ фамиліи, которая свою генеалогію доводить до пророка Магомета.

Въ американскихъ газетахъ много говорили объ отвѣтѣ одной актрисы во время пожара. Нѣсколько недѣль тому на-задѣ театръ въ Чельзивилѣ былъ наполненъ публикою; вдругъ, во время послѣднаго антракта, прибѣгааетъ къ примадоннѣ совершенно растерянный директоръ и съ ужасомъ сообщаетъ, что на чердакѣ горить, помочь невозможна и въ нѣсколько минутъ весь театръ будетъ въ пламени. Надо предупредить публику—но какъ? Смѣлая героиня спокойно ему отвѣчаетъ: „Я берусь это устроить; удаляйтесь вы только съ труппою черезъ заднее крыльцо!“ Затѣмъ она выходитъ къ публикѣ и говоритъ: „Милостивые государи! спектакль продолжаться не можетъ по слуху очень прискорбнаго события: нашъ директоръ, въ припадкѣ ревности, задушилъ одну актрису и самъ перерѣзаль себѣ горло. Какъ видите, мы сегодня играть болѣе не можемъ“. Потрясенная публика удаляется изъ театра и только нѣсколько человѣкъ было еще въ залѣ, когда огненные языки показались изъ-за занавѣса. На слѣдующій день находчивой артисткѣ сдѣлали подарокъ въ 3,600 долларовъ.

Чудесное спасеніе отъ смерти. Въ Англіи недавно 38-лѣт-

ній адвокатъ Генрихъ Баніардъ обвинялся въ покушеніи на самоубийство. По показанію свѣдѣтелей, онъ, за нѣсколько секундъ до прохода поѣзда, стоялъ на рельсахъ, на пути его слѣдованія, и былъ сбитъ съ ногъ. Цѣлы длины поѣздъ прошелъ надъ нимъ, не причинивши ему никакого серьезнаго поврежденія. По проходѣ поѣзда, Баніардъ былъ поднятъ съ рельсовъ въ безчувственномъ состояніи, потому что сильный ударъ паровоза и шумъ проходившаго надъ нимъ поѣзда парализировали на короткое время его чувства. Когда его допрашивали о причинѣ его попытки на самоубийство, то онъ решительно отвергалъ приписываемое ему желаніе лишить себя жизни и не могъ объяснить, почему онъ сталъ на пути проходившаго тогда поѣзда. Онъ не могъ, повидимому, вспомнить, подъ вліяніемъ какихъ побужденій подвергнулся смертельной опасности, и сказалъ, что, вѣроятно, онъ испытывалъ какое-то безотчетное, но непреодолимое побужденіе. Подсудимый былъ, какъ кажется, здоровымъ, но очень огорченнымъ чѣмъ-то. Докторъ-экспертъ сказалъ, что попытка самоубийства совершена въ болѣзnenномъ настроении духа, и подсудимый былъ оправданъ.

Рѣшеніе шашечной задачи № 43.

Бѣлые.

- 1) c 1 — d 2
- 2) a 1 — b 2
- 3) h 4 — g 5
- 4) f 2 — e 1
- 5) e 1 — h 8
- 6) h 2 — f 4
- 7) h 8 — d 4
- 8) f 4 — h 6

Черные.

- 1) e 1 — c 3
- 2) c 3 — a 1
- 3) f 6 — h 4
- 4) h 4 — f 2
- 5) b 8 — g 3
- 6) a 1 — e 5
- 7) h 6 — g 5

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Спб.—Петрова, Борошиева; Москва—Обухова; Бологое—Тарасова; Ив.-Вознесенскъ—Маракушева; Калуга—Волова; Кирсановъ—Сергѣева; Ництрусь—Самарина-Тришатнаго, Муромъ—Голубева; Сидорково—Осипова; Тростянецъ—Коцюбинскаго; Тула—Зыбина.

2-й заемъ 1866 года.

Рѣшеніе ребуса № 42.

Завали правду золотомъ, забей ее въ грязь, а она таки все-же наружу выползетъ.

Вѣрныя рѣшенія этого ребуса присланы отъ г.г. Мельгунова въ Михайловѣ и Сѣтальскаго въ Харьковѣ.

СОДЕРЖАНИЕ: На зимнія квартиры (съ рис.).—Старый домъ. (Хроника четырехъ поколѣній). Исторический романъ Всеволода Соловьевъ. Часть вторая. Главы VIII, IX и X.—Полковникъ изъ Золотоноши. Историческая повѣсть А. Н. Кириллова. (Продолженіе).—И. С. Тургеневъ (съ портр.).—Гретхенъ (съ рис.).—Новая ратуша въ Вѣнѣ (съ рис.).—Видъ въ Саратовской губерніи (съ рис.).—Лисица и заяцъ (съ рис.).—Вѣтряные мельницы (съ рис.).—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь. Рѣшенія задачъ.—Тиражъ выигрышъ Государственного Банка.—Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

35-й тиражъ 1-го сентября 1883 года

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.															
91	44	500	2975	32	500	5645	49	500	8397	33	500	10596	14	500	12955	27	500
125	23	500	3026	5	500	5701	7	500	8458	19	1000	10660	33	500	12978	45	1000
150	6	500	3047	12	500	5881	39	500	8468	36	500	10666	11	500	13000	41	500
197	33	10000	3061	23	500	5860	26	500	8808	7	500	10722	14	500	13110	46	500
258	13	500	3079	16	500	5924	46	500	8828	14	500	10901	7	500	13122	13	8000
352	3	500	3114	8	500	6018	32	1000	8921	33	500	10961	9	500	13165	8	500
392	25	500	3128	39	500	6097	6	500	9047	25	500	11008	50	500	13235	21	5000
438	33	500	3141	25	500	6196	11	500	9069	33	500	11044	24	500	13252	21	500
454	21	1000	3153	9	500	6216	31	500	9095	5	500	11091	31	500	13257	45	500
454	30	10000	3344	24	1000	6419	11	500	9230	28	500	11216	6	500	13261	9	500
469	35	500	3431	5	500	6442	16	500	9471	14	500	11236	50	500	13407	22	500
470	37	500	3540	25	500	6508	48	500	9480	41	500	11270	28	500	13426	32	500
529	12	500	3549	11	1000	6746	26	500	9517	40	500	11324	22	500	13522	12	1000
561	50	500	3847	1	500	6855	3	500	9532	23	500	11467	22	500	13556	18	500
617	20	500	4114	39	500	6875	25	500	9541	36	500	11482	47	500	13573	7	500
640	26	500	4140	30	500	6888	24	500	9544	7	500	11552	3	1000	13598	23	500
691	13	500	4184	4	500	6912	38	500	9575	16	500	11660	27	5000	13600	20	500
736	3	500	4219	8	500	6937	44	500	9640	32	500	11699	1	500	13699	36	500
758	40	500	4294	42	500	6975	14	500	9712	12	500	11707	38	500	13700	29	500
829	21	1000	4391	32	500	7017	43	1000	9762	45	500	11737	8	500	13891	41	500
1092	28	500	4470	2	500	7127	18	500	9892	43	500	11776	8	500	13894	5	500
1145	9	500	4486	43	500	7198	3	500	9937	17	500	11794	17	500	13959	24	500
1213	31	500	4565	27	500	7233	46	1000	9950	21	500	11970	39	500	13979	50	75000
1219	4	500	4568	4	500	7261	27	500	9973	32	500	11986	41	5000	14055	40	500
1256	36	500	4656	28	500	7310	7	1000	9990	2	1000	12004	28	500	14114	50	200000
1641	48	500	4689	33	500	7329	44	500	10031	38	500	12100	1	500	14165	27	500
1916	49	500	4832	28	500	7386	20	8000	10065	47	500	12109	23	500	14263	5	500
1922	22	500	4850	28	500	7619	38	500	10112	23	500	12109	32	500	14275	15	1000
1924	12	500	4852	9	500	7644	8	1000	10166	39	500	12145	36	500	14336	84	1000
1982	22	500	4900	19	500	7719	2	500	10185	18	500	12147	10	5000	14342	35	1000
2300	18	500	4928	34	500	7843	14	500	10252	46	500	12176	10	500	14404	4	500
2448	42	500	4940	4	500	7922	28	500	10253	15	500	12247					

Въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. ВОЛЬФЪ,
въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 17 и 18, поступила въ продажу новая книга:
ОЧЕРКИ КРЫМА.

Картины крымской жизни, природы и исторіи.

Евгений Маркова.

Издание второе.

И большой томъ въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

«Очерки Крыма» давно исчезли изъ обращенія. Между тѣмъ — это единственное у насъ популярное полное описание Крыма съ его поразительной оригинальностью и красотою, съ его целебнымъ воздухомъ, целебными водами, съ целебными соками его душистаго винограда и т. п. Нельзя поэтому не порадоваться появлению втораго изданія этой книги. Надо придать значеніе и тому, что «Очерки» выходятъ въ свѣтъ вторымъ изданіемъ именно въ 1883 году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня присоединенія Крыма къ Россіи. Воспоминаніе объ этомъ важномъ событии русской государственной истории должно бы побудить и русскаго читателя ознакомиться какъ можно ближе съ прошлымъ и настоящимъ этого очаровательнаго края. «Очерки Крыма» принадлежать перу нашего талантливаго беллетристка и знатока Крыма — Евгения Маркова и можно смѣло причислить ихъ къ числу лучшихъ произведений русской беллетристики.

Другія сочиненія того же автора: ЧЕРНОЗЕМНЫЙ ПОЛЯ. РОМАНЪ въ 2 т. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к. Въ основаніе этого романа положена животрепещущая, полная самаго современнаго интереса, идея преимущества деревни передъ городомъ. Какъ проницательный публицистъ, авторъ взглянула на этотъ вопросъ съ необыкновенно вѣрной точки зрѣнія; какъ талантливый беллетристъ, онъ облечь свою идею въ безукоризненно-художественную форму.

БЕРЕГЪ МОРЯ. РОМАНЪ изъ крымской жизни. 2 т., въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р. Какъ истинный поэтъ и художникъ, живо чувствующій красоты природы, г. Марковъ вводитъ своихъ героевъ въ совершенно новый и какъ бы заколдованный для настъ мѣрѣ, герой романа, угомленные фальшью и искусственностью современной цивилизации, изживающей свои собственные идеалы, — находить успокоеніе и счастье.

БАРЧУК И. Картины прошлаго. Издание второе. I т. въ 16 д. л. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

№ 2802

ПИСЧАЯ НОТНАЯ БУМАГА

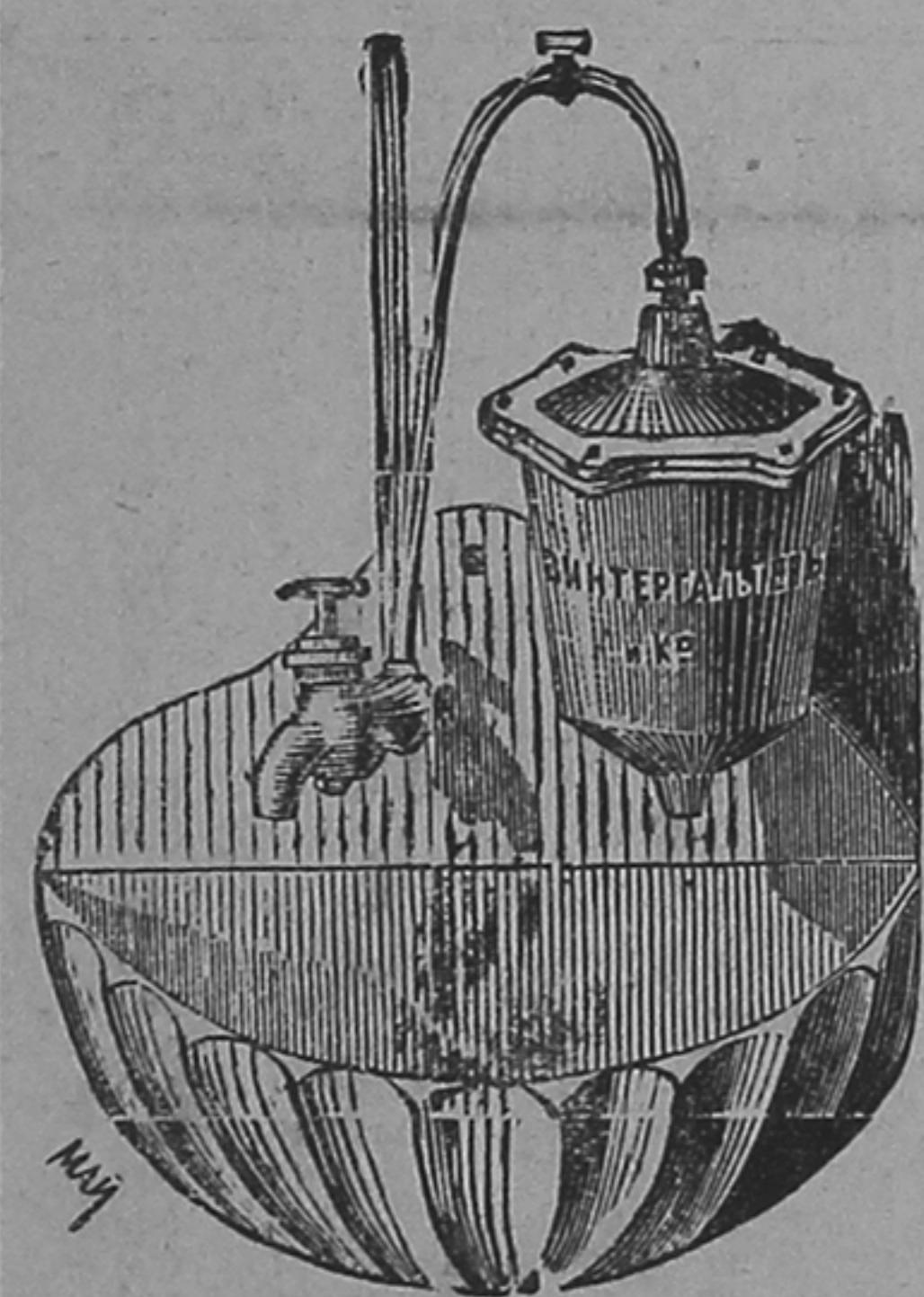
собственной фабрики.
Бумага двухъ сортовъ: по 20 и 25 коп. за тетрадь въ 6 листовъ. Цвѣтъ бумаги бѣлый и синеватый по желанию.

Бумага съ цветными украшениями по 15 коп. за листъ. Каждый листъ съ моей фирмой.

ПЕТРЪ ИВ. ЮРГЕНСОНЪ

10. Неглинный проѣздъ, въ Москве.
Склады: въ Петербургѣ Б. Морская, № 9.
Въ Варшавѣ у Г. Зениевальда.
П. № 2787 3—3

ФИЛЬТРЫ для водопроводовъ.

ГОДОВОЙ АБОНЕМЕНТЪ 6 рублей.

УСТАНОВКА БЕЗПЛАТНО.

Въ складѣ воздушныхъ и электрич. звонковъ

ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Комп.,
у Казанск. моста, по кан., № 12. № 2579

MARYA MATUSZEWSKA
PRZETOŽONA PENSYI ŽEŃSKIEJ
LEŚZNO, № 28 M. № 2799
zawiadamia, ze zapis uczenic juž się rozwroczał, a lekcyje zaczynają się 1 wrześniu.

ФАБРИКА РОЯЛЕЙ И ПИАНИНО
А. В. ЭБЕРГЪ.
поставщика двора
Его Императорскаго Величества.
РОЯЛИ И ПИАНИНО НЕ УСТУПАЮТЪ
ЛУЧШИМЪ ЗАГРАНИЧН. ФИРМАМЪ.
МАГАЗИНЪ у Арбатскихъ воротъ, д.
Шмитъ, ФАБРИКА у Горбатаго моста.
Фирма существуетъ съ 1852 года.
П. № 2773 10—5

Страхование жизни.

Подробная свѣдѣнія о всѣхъ родахъ страхования жизни, приданаго, пенсіи и т. п. можно узнать изъ брошюра (книжекъ) Страхового Общества „Россія“.

Эти брошюры по требованію выдаются и высыпаются бесплатно Главною Конторою Общества „Россія“ въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и Агентствами въ городахъ Имперіи.

№ 2482

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ СОКРАТА ИСАКОВА въ СПБ.
Невскій д. № 54 противъ Императорской Пуб. Библіотеки, поступила въ продажу новая книга:

2801 2—1

РОДЪ КНЯЗЕЙ ЗАЦЪПИНЬХЪ. ИСТОРИЧ. РОМАНЪ А. ШАРДИНА.

2 большихъ тома, около 50 печатныхъ листовъ. Цѣна 5 р., съ пер. 5 р. 50 к.

Королевская Вюртембергская Академія сельскаго хозяйства Hohenheim.

Зимній семестръ начинается съ понедѣльника 15-го Октября с. г. Объявленія, указатели лекцій и программы занятій разсылаются по требованіямъ безвозмездно.

Гогенгеймъ. Іюля 1883 г. Дирекція Королевской Академіи.

Д. № 2768 2—2 За директора профессоръ Д-ръ Е. Вольфъ.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКА, ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, БОЛЬШ. МОРСКАЯ № 9

„ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦЪ“.

Историческій романъ конца XVIII вѣка, въ двухъ частяхъ,

Всеволода Соловьевъ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ историч. романа „СЕРГІЙ ГОРБАТОВЪ“).

Напечатанъ на лучшей веленевой бумагѣ, съ украшениями и виньетками въ началѣ и концѣ каждой главы. 711 страницъ. С.-Петербургъ. 1883. Цѣна 3 руб., съ перес. ино-город. 3 р. 50 к., въ красивомъ календаревомъ переплѣтѣ съ золот. тисн. 4 р., съ перес. ино-город, 4 р. 50 к.

Чтобы многочисленнѣмъ новымъ подпищикамъ на „НИВУ“ 1883 г., не читавшимъ „Вольтеръянца“, сдѣлать болѣе удобнымъ приобрѣтеніе этой интересной книги, мы отпустимъ имъ это новое изданіе сброшюрован. за 2 р. 50 к., съ перес. за 3 р.; въ календар. переплѣтѣ за 3 р. 50 к., съ перес. за 4 р.

Главный складъ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ конторѣ редакціи „Нивы“, въ Больш. Морской, д. № 9; и въ Москвѣ: въ конторѣ отдѣленія „Нивы“ у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, въ Петровск. линіи,—а также можно найти эту книгу у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

С.-Петербургская Химическая Лабораторія.

Съ разрешенія С.-Петербургской Врачебной Управы.

Салициловый Анти-Эпидемический Эликсиръ.

ЗУБНЫЕ ПОРОШКИ.

розовый, салициловый, бѣлый Д-ра Міалхе.

НОВЫЙ

ЗУБНОЙ ЭЛИКСИРЪ

самаго высшаго качества.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибегаютъ некоторые фабриканты, принявши названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующие наружный видъ произведеній ея.

Требовать при покупкѣ каждого предмета точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ“.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ № 32, Католической церкви.
- 2) Невскій проспектъ, домъ № 66, у Аничкова моста.
- 3) Вознесенскій проспектъ, угол Казанской улицы, домъ № 18—54, Шредера. Кромѣ вышеозначенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывески, сходныя съ вывескою С.-Петербурга. Химич. Лабораторіи, ей не принадлежатъ. Р. № 2809 2—1. Контора, фабрика и оптовый складъ по Измайловскому пр., № 21, въ собств. домѣ.

МЕБЕЛЬНАЯ

ФАБРИКА

А. ШМИТЪ.

Поставщика двора Его Императорскаго
Величества, фабрика и магазинъ.

МОСКВА, Арбатскія ворота, соб. домъ.

Фирма существуетъ съ 1818 г.

На Всероссійской Выставкѣ 1882 года.
Высшая награда — Государствен. Гербъ.

П. № 2772 10—5

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЕЛЪ
НОВЫЙ
ПОЛНЫЙ ПРЕЙСЪ КУРАНТЪ

на англ. велосипеды
2-хъ и 3-хъ колесн. по-
слѣдн. типа, специальнѣ
выстроенныхъ для русск.
дорогъ, подъ назван.

РУССКИЙ КЛУБЪ

Ж. Блокъ, представи-
тель для всей Россіи.
„Складъ американскихъ
издѣлій:“
Москва, Кузнецкій

мостъ, д. Голицына
С.-Петербургъ, Невск., № 16, уг. Б. Морской.
Р. № 2736

38. ТРОИЦКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ 38.

Отдѣленіе: Знаменская ул., № 32.

ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ

Троицкаго заведенія ис-
кусственныхъ минераль-
ныхъ водъ съ доставкою:

Р. К.

1 сифонъ (сelt. или 10

25 1/2 бут. (sod. воды 1 1/3

25 бут. шипуч. лимон. 1 75

25 „ и ягод. в. 2 50

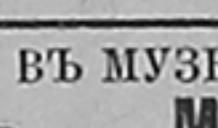
25 „ пироф. ж. воды 1 75

25 „ виши (Vichy) 2 —

25 „ аполинарісъ 1 25

Залогъ за бут. по 2 к.,
за сифонъ по 1 р.

Р. № 2808 1—1

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ
С.-Петербургъ, М. БЕРНАРДА, Невскій, 10

Русскія оперы въ дешевомъ изданіи:

Глинка М. Жизнь за Царя для форт. въ 2
руки 3 р. Русланъ — 3 р. Даргомыжскій, Ру-
сalka — 3 р. Сѣровъ, Рогнѣда — 3 р. Верстов-
скій, Аскольдова могила — 3 р. Тѣ же оперы
для пѣнія по 8 руб.

№ 2805

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ВЫДАЧѢ ПРЕСТУПНИ-
КОВЪ. А. Штигица.

С.-Петербургъ. 1882. Цѣна 2 руб.

Продается въ книжныхъ магазинахъ С.-Пе-
тербурга и Москвы.

Выписзывающіе книгу черезъ П. Д. Глотова,
— Кабинетская ул., д. № 20, кв. № 5, въ
С.-Петербургѣ — за пересыпку не платить.

№ 2806 3—1

М. № 2758 12—8

